
ВАДИМ КЛЕНИН
ИСТОЧНИК ДУШ 2
ЛУНА – КАССИОПЕЯ
КОСМИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Галактическая экспансия человечества

Вадим Кленин

Источник душ 2.
Луна — Кассиопея

«Автор»
2026

Кленин В.

Источник душ 2. Луна — Кассиопея / В. Кленин — «Автор», 2026 — (Галактическая экспансия человечества)

Продолжение романа "Источник душ". Давид, Светлана, Бублик и Гефест везут эмбрионы к новой планете, чтобы дать человечеству еще один шанс. Им придется преодолеть гигантские расстояния, астероидные поля, бороться за выжигание и понять, есть ли на борту шпион другой цивилизации.

© Кленин В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Лицо в пустоте 6
Пролог 6
Глава 1. Куда лететь? 8
Глава 2. Ударная волна 17
Глава 3. "Хобот" заболел 24
Глава 4. Древний странник 30
Глава 5. Золотой шар 36
Глава 6. След четырех рук 41
Глава 7. Чёртова дюжина 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Вадим Кленин
Источник душ 2. Луна — Кассиопея

Часть I. Лицо в пустоте

Пролог

Ну что ж… поздравляю. Вы разгадали мои нехитрые намёки и поняли, что первая инфокапсула — лишь крохотная часть большой истории расселения человечества по галактике с красивым названием Млечный Путь.

Я не знаю, кто вы: кибер, ахив или гандей. И тем более — с какой планеты. Может быть, с одной из тех суперземель, где мне удалось вырастить настоящих атлетов, по сравнению с которыми легендарный земной Геракл — немощный младенец. Или прибыли со спутников газовых гигантов с настолько плотной атмосферой, что крепкое тело только мешает летать.

Хотя, конечно, втайне я всё же надеюсь, что вы — самый обычный человек с Земли. А это значит, что моим создателям и вашим далёким-далёким пращурам удалось выжить. Они стабилизировали Луну, и неминуемая гибель всего живого была отложена очень надолго.

Не ведаю и вашего рода занятий. Может быть, вы историк, авантюрист, искатель артефактов или (этого я хотел бы меньше всего) и вовсе один из наёмников тех цивилизаций, что соперничают с потомками землян. А такие на моём пути тоже встречались. Опасность для вашего рода не нулевая: одни захотят вас сожрать, другие — просто устранить конкурентов. Лишь старые сказки о том, что кому-то нужны исключительно земные ресурсы, оказались несостоятельными. В нашей огромной галактике полно бесхозных планет и астероидов, и разумным расам вовсе не обязательно преодолевать сотни световых лет ради свинца или бокситов с вкраплениями алюминия.

Однако на всякий случай я не сохраню точных координат и во второй инфокапсуле. Лишь названия созвездий, которые актуальны только для прародины людей. Да и то, на очень короткий отрезок времени. По галактическим меркам, разумеется. Если человечество на Земле выжило, оно сможет пройти мой путь ещё раз. Если нет… Что ж, значит, наша миссия не была напрасной. И человеческий род, пусть и в сильно изменённом виде, не пресёкся на погибшей Земле.

Вы наверняка удивлены, почему я до сих пор не выяснил судьбу несчастных землян. Да все очень просто и сложно одновременно. Между звездами нашей галактики — гигантские расстояния. Гораздо больше, чем представляет обычный обыватель. И шансы добраться куда-то живьем есть только у экипажа того корабля, который движется в сторону, противоположную вращению Млечного пути. Получая за это пусть и небольшой, но все-таки бонус — порядка двухсот сорока километров в секунду. А это экономия тысяч тонн топлива, припасов и нескольких лет путешествия.

Так что ваши потомки, мой дорогой слушатель и читатель, скорее всего, доберутся до прародины уже в тот момент, когда жизнь на ней угаснет по вполне естественным причинам — из-за расширения Солнца. Да и с точными координатами будет непросто. Ведь в момент старта корабля, материнская звезда двигалась не четко по окружности, словно скаковая лошадь по периметру Колизея, а убегала из рукава Ориона. А вот куда оно летело — я умолчу. То ли это рукав Персея, то ли рукав Стрельца. Точный ответ я знаю, но по тем же причинам, что указал ранее, не буду подсказывать в этой инфокапсуле.

С чего бы начать? Пожалуй, с того места, где завершил предыдущую запись. Итак, наш корабль вырвался, наконец, из облака Оорта и вышел на просторы Млечного Пути.

Мы двигались на корабле «Новая надежда» к этому моменту уже почти полтора земных года. И старались сохранять полное молчание в эфире, хотя довольно быстро с Земли и Марса нас засыпали вопросами: кто мы, откуда. Бедная Элизабет Ватсон, начальница лунной про-

граммы НАСА, и вовсе потребовала вернуться и немедленно сдать всё оборудование. Включая синтетиков – то есть и меня тоже. Так и было указано в шифрограмме: «Давида обездвижить, отключить и доставить процессоры и слоты памяти для изучения».

Три раза «ха».

Мы продолжали молчать, и приказы постепенно стали просьбами, а потом и вовсе мольбами. В какой-то момент земная инфосфера и вовсе скатилась до конспирологии. Мол, летит вовсе не корабль, а не замеченная ранее комета. Якобы НАСА все проморгало.

Кто скормил журналистам этот бред, я, конечно, догадывался. Но нас это устраивало — больше молчишь, дальше летишь. А после того, как мы прошли пояс Койпера, я и вовсе расслабился – ни одна лазерная защита нас уже не достанет — ни с Марса, ни с Земли.

Так что мимо Юпитера и Сатурна мы летели совершенно спокойно и занимались своими делами. В момент перехода гелиопаузы наш корабль задрожал. Не так, как это делает испуганный человек — мелко и трусливо. Это была дрожь радости существа, впервые ощутившего отсутствие поводка солнечной гравитации. Термоядерный двигатель встал на паузу, прекратив импульс ускорения, и наша махина заскользила, как древний линкор, каждая рея которого звенела от счастья.

Глава 1. Куда лететь?

Для тех, с кем наше знакомство начинается лишь со второй инфокапсулы, кратко представлюсь. Меня зовут Давид, и я синтетик — андроид третьего поколения, визуально неотличимый от людей. Во всяком случае, наша кожа такая же мягкая, и мы даже можем видеть сны — правда, только во время подзарядки.

Бублик — мой верный друг и по природе робопёс, временами косплеящий ворчливую таксу, — лежал около моей правой ноги. Он положил морду на лапы, а в механических глазах, уставившихся в одну точку, отражались показания приборов и датчиков, которых было полно в затемнённой капитанской рубке. Лишь то, что у него продолжали слегка подрагивать уши, показывало — мой друг бдит.

Как это ни смешно, но для такого юного синтетика, каким я был на тот момент, выбор нового адреса галактической прописки человечества оказался не такой уж простой задачей.

Понимаю, как наивно это звучит. Особенно если вы слушали мою первую запись[1]и помните, сколько неприятностей нам доставили подлунные надзиратели за прогрессом земных существ. Однако там всё более-менее понятно: вот пленник, которого нужно освободить; вот дверь, через которую можно сбежать; вот враг, от которого желательно держаться подальше. А ещё лучше — иметь между вами парочку безбашенных экскаваторов или хотя бы четверорукого Гефеста. Не древнего греческого бога, а нашего механика, донельзя угрюмого мизантропа. Зато огромного. Его, кстати, тоже отправили с нами в полёт, чтобы мы ничего не напортачили.

Так вот, налюбовавшись яркими звёздами, величие которых уже не скрывала никакая пыль Солнечной системы, я вдруг понял, что не знаю, куда двигаться дальше. Фронтальная информационная панель транслировала изображение миллиардов звёзд, но ни одна из этих светящихся точек не обещала, что рядом с ней будет хотя бы безопасно. Не говоря уже про то, что человеческие эмбрионы смогут там выжить, вырасти, стать людьми, завести потомство и возродить земную цивилизацию на новой планете.

Я нажал одну из сенсорных кнопок, и над центральной панелью возникла вращающаяся трёхмерная карта нашей галактики. Впечатляющая инсталляция, от величия которой у человека наверняка перехватило бы дух. Все эти туманности, мерцающие скопления светил и пугающая чёрная мгла в самом центре, окружённая ослепительным светом звёздных старейшин. В нескольких местах прямо в этот момент сверкнули вспышки сверхновых, возмущая пространство вокруг себя.

— Светлана, а куда, собственно, мы летим? — спросил я у ещё одного члена экипажа. Моей подруги и соратницы, которую постигла незавидная судьба в самом конце наших подлунных приключений.

— Пока туда, куда нас направил КАЛС, — безразличным тоном ответила она.

Её голос прозвучал из потолочного динамика справа.

Я повернул голову.

— Ты можешь не делать это каждый раз, — напомнила Светлана. — Я не сижу ни на потолке, ни в динамике, ни за решётками вентиляции.

— Знаю, — ответил я.

— Тогда почему постоянно оглядываешься?

Я не нашёл подходящего ответа. Да, честно говоря, уже и не искал. До старта у Светланы были прекрасное лицо и тело, базовая версия которого принадлежала русской красавице, выигравшей на Земле один из престижных конкурсов. Света, такой же синтетик, как и я, слегка тюнинговала оболочку под свой вкус, но, как ни старалась, повторить беззаботную

[1] Имеется в виду роман «Источник душ» https://www.litres.ru/book/vadim-klenin/istochnik-dush-71294977/

улыбку королевы подиума так и не смогла. И вот КАЛС — наш главный руководитель на лунной станции «Новый Харбин» — заставил её отказаться от результата нескольких лет пластических усилий и лишил её тела, сделав искином корабля. Вряд ли в отместку за то, что она чуть было не встала на сторону змееголовых. Выбор у него был, в общем-то, небогатым: либо она, либо я. И поскольку на тот момент я был ещё совсем нубом, доверить систему контроля мне он никак не мог. В результате она стала мозгом корабля, а я — руками.

Теперь её голос мог зазвучать откуда угодно. Но поскольку большинство динамиков были на потолке, то и звук оттуда прилетал чаще. Временами мне казалось невежливым отвечать, не повернувшись к этим решёткам. Лишь когда она выводила своё лицо на центральную панель, я мог этого не делать и смотреть ей прямо в глаза.

— Давай выведем распоряжения КАЛСа на экран, — предложил я, стараясь не накалять ситуацию.

Трёхмерное изображение Вселенной погасло, и вместо него над рабочей консолью возникла голографическая плоскость, где заскользил перечень файлов, с которыми необходимо ознакомиться при выходе из облака Оорта.

Я открыл первый. Исключительно из-за его заголовка:

«Д-113. Прочитать до попыток улучшить маршрут».

Д-113, если кто забыл, — это тоже я. Точнее, буква и три цифры — лишь часть моего длинного настоящего имени в двадцать пять символов, если не считать дефисов. Но мы со Светланой уже давно выбрали себе человеческие имена и как-то к ним привыкли.

— Он в меня верил, — заметил я. Мой процессор сгенерировал что-то типа гордости, и я даже выпрямился в кресле.

— Именно поэтому, видимо, и оставил очень подробную инструкцию, — прохладным тоном ответила Светлана. Обида ещё таилась где-то в проводах нашего корабля, которые стали нервами этой синтетической девушки.

Впрочем, она, как всегда, была права. Я проскроллил файл дальше. На голограмме появились последовательности манёвров, временные окна, ограничения по нагреву, допустимые отклонения и предупреждения, написанные так, словно КАЛС заранее просчитал каждую глупость, которую я способен совершить.

Он действительно продумал наш выход из Солнечной системы. Разгонная мощь с Луны, прохождение планетных областей, направление ухода от Солнца, манёвры вокруг Юпитера и Сатурна — всё было связано в сложную, но выверенную композицию. Вмешаться в неё без достаточных знаний означало вытащить рандомную заклёпку из работающего двигателя. Может, и повезёт, а может — совсем наоборот.

Но возле последнего участка маршрута стояла другая пометка:

«Выбор конечной цели — после проверки силовой установки и анализа возможных вариантов».

Я перечитал её ещё раз.

— Стоп, — сказал я вслух. Мы, синтетики, тогда всё ещё старались копировать поведение людей, пытаясь быть на них похожими. Даже в таких мелочах, как рассуждения вслух. — То есть, он довёл нас до выхода, но дальнейший путь не указал?

— Он оставил несколько вариантов, — снова проговорил потолок голосом Светланы. Я с трудом удержался от взгляда в сторону динамика. — Окончательное решение зависит от того, что может корабль и в каком он будет состоянии. Двигатель-то экспериментальный.

Я отстегнул ремни. Мне хотелось подвигаться. И прежде чем выбирать звезду, ещё раз посмотреть, кого мы туда везём. Я двинулся в инкубатор.

За дверью этого важнейшего для нашей экспедиции блока было удивительно тихо. Конечно, тишина на космическом корабле — понятие условное. Работали насосы, вентиля-

торы, преобразователи, попискивали и пощёлкивали датчики. Но здесь все эти звуки были приглушены многослойной защитой. Даже дверь закрылась за мной с деликатным щелчком.

Здесь хранились человеческие эмбрионы. И не абы кого — потомки сливок человеческого общества: ведущих учёных, спортсменов, общественных деятелей. Ну и богачей, конечно, куда же без них. Кто ж всё это развлечение оплачивал на самом деле там, на Луне? Впрочем, не стоит пренебрежительно говорить о таких персонажах. Многие из них при отсутствии военных конфликтов остались чуть ли не последними пассионариями на Земле. Так что их гены очень даже пригодятся нам там, на новой планете, где придётся крутиться и двигаться, строить и создавать всё заново.

Выглядел инкубатор максимально технологично и скучно. Никаких прозрачных колб с младенцами, как в старых фильмах. Наши пассажиры занимали закрытые панелями ячейки, и посмотреть на них напрямую означало начать процедуру разморозки, которую без необходимости проводить не следовало. Вдоль стен узких коридоров стояли одинаковые секции. На их поверхностях медленно менялись зелёные цифры данных: температура, питание, исправность контрольных линий, состояние резервов.

Я остановился перед ближайшей секцией и вызвал информационную карточку. Вместо имён появился длинный идентификатор. В будущем, кстати, это станет ещё одной нашей, как говорили люди, головной болью. Там, на новой родине, всем им придётся придумывать имена. Десятки тысяч новых имён. И заняться этим предстоит мне и Светлане. Не поручать же это Бублику и Гефесту. Тысячи Шариков или Карданов с Заклёпками я не переживу.

На экране появились сведения о хранении и короткая отметка: «Все показатели в норме».

Когда-нибудь один из этих «показателей» может раскричаться из-за невкусного завтрака. Или спросить, почему небо фиолетовое, а не голубое. Хотя… Ещё неизвестно, каким оно будет на новой планете. Может – зелёным? Или, разбив что-нибудь нужное, скажет, что это не он или не она, и укажет на соседа по парте.

В карточке соседних ячеек все строки тоже были зелёными — норма. Возможно, именно там находился тот, кто научится строить дома лучше, чем Ле Корбюзье, Фрэнк Райт или Владимир Шухов. А в следующей — человек, который решит, что дома строить не нужно вовсе, потому что жить следует на морских платформах или на деревьях.

Я попробовал представить всю эту толпу детишек. Не получилось. Получились только голоса. Много голосов в помещении, где сейчас мерно гудел насос.

Возле моей ноги щёлкнули магнитные накладки. Бублик вошёл так уверенно, будто проверять хранилище поручили ему, а я просто оказался на его дороге.

— Пересчитываешь? — спросил он.

— Проверяю.

— Если кого-то не хватает, я не брал.

Он остановился рядом, задрал голову и посмотрел на карточку.

— А это кто?

— Пока не знаю.

— Странно. Везём неизвестно кого неизвестно куда.

— Неизвестно куда — это временно.

— Это меняет дело. Прямо камень с души.

— У тебя нет души. Ты робот. — Иногда его приходится щёлкнуть по носу, чтобы не зазнавался.

Я вызвал сводку состояния всего блока. Зелёные поля занимали почти всю панель. Несколько жёлтых отметок относились к очередному обслуживанию. Красных не было.

Внизу отчёта стоял предельный ресурс штатной эксплуатации. Осталось двадцать четыре года и одиннадцать месяцев. Мы уже потеряли полтора с лишним года, пока выбирались на границу Солнечной системы. Осталось не так уж и много. Мы летим с огромной скоростью,

и даже самая крутая защита не поможет уберечь их от той радиации, которую мы хватаем по пути. Эта цифра мне не нравилась ещё на Луне.

— Светлана, — позвал я, — после двадцати пяти лет что случится?

— Сразу — может ничего и не произойти.

— Очень утешительно.

— Это гарантийный срок нашей системы хранения, Давид. Не срок существования эмбрионов. Дальше резко возрастёт неопределённость: износ, ресурс резервных узлов, возможности ремонта. Ну и вероятность здорового деления клеток наших подопечных. Мы должны успеть создать условия на планете до того, как начнём зависеть от удачи.

— То есть лучше раньше.

— Намного.

Я погасил информационную панель. Теперь это были не двадцать пять лет для доставки груза. А время, за которое я должен был найти место для тех голосов, что пока мне лишь чудились.

— Света, я возвращаюсь в рубку. Через десять минут — общий совет. Будем думать, что делать дальше. Нужны все. В том числе наш мизантроп.

Гефест прибыл на командный пост даже раньше меня, с разобранным узлом в двух руках. Третьей он держал инструмент, четвёртой отпихнул Бублика, решившего осмотреть принесённое.

— Не трогай, — буркнул наш нелюдим.

— Я только хотел понять, что именно у нас уже сломалось, — обиженно ответил робопёс.

— Пока ничего.

— А почему разобрано?

— Чтобы не сломалось.

Бублик посмотрел на меня, виляя хвостиком.

— Видишь? Настоящий мастер. Ломает заранее.

Гефест не удостоил его ответной колкостью, положил разобранный узел на штурманское кресло, заставив Бублика заскрипеть металлическими зубами — это место пёс считал своим, — и повернулся ко мне. Его металлическая шевелюра выглядела так, словно он только что спорил с работающим генератором и победил исключительно благодаря упрямству.

— Так, все в сборе, — сказал я. — Предлагаю начать. На повестке у нас самый главный вопрос. Куда мы летим дальше?

Гефест пожал плечами и равнодушно посмотрел на меня.

— Сам выбирай, — сказал он.

— Я хотел сначала узнать возможности двигателя.

— Узнай.

— Для этого я тебя и позвал.

Он несколько секунд смотрел на меня, будто оценивал глубину технической пропасти, в которую предстояло спуститься, чтобы достичь моего уровня. Потом взглянул на Светлану, которая на этот раз вывела своё лицо на центральную консоль. Та словно прочла его мысли и вернула трёхмерную голограмму звёздной карты Галактики, затем выделила и увеличила участок радиусом в двести световых лет вокруг Солнца. Правее сформировала трёхмерную голограмму нашего корабля. Она заметно отличалась от изображения той гигантской уродливой стрекозы, составленной из разных блоков, с которой меня знакомил КАЛС перед полётом. Тот вариант был по-настоящему монструозным. Крыльями служили панели солнечных батарей, которым впоследствии предстояло превратиться в ловушку для атомов, свободно разбросанных в космосе. К тому моменту запасы металлизированного водорода должны были иссякнуть, и чтобы термоядерный двигатель не заглох, пополнять резервы топлива пришлось бы вот таким странным образом. Заодно и тормозить будет легче.

Сейчас же я видел воронку на носу корабля, будто у нашей стрекозы вырос слоновий хобот.

— Сбор межзвёздного водорода, — пояснил Гефест. — Мы можем начать его раньше и благодаря этому снизить расход нашего топливного припаса даже на этапе ускорения.

— Значит, топливо можно получать по пути? — влез Бублик.

— В некоторых режимах. И с потерями. Если скажешь «бесплатно», занятие закончится.

Робопёс осторожно отодвинулся от голограммы. Гефест же увеличил несколько участков. Выяснилось, что термоядерный двигатель с тюнингом Гефеста стал совершенно другим. Огромная магнитная воронка не просто собирала полезное вещество. Она служила щитом от разного мелкого мусора, взаимодействовала со встречным потоком, нагревалась косвенно через целый набор процессов и требовала такой точности управления, что мне стало немного не по себе.

Запасы на борту тоже никуда не исчезали из расчёта. Для одних этапов нужны были свои компоненты, для других — отдельные режимы. Торможение вообще занимало на схеме подозрительно много места.

— Я думал, главное — разогнаться, — признался я.

— Именно поэтому ты пока не управляешь двигателем.

— Спасибо за доверие.

— Это не доверие. Это забота о сохранности оборудования.

Я посмотрел на Гефеста, немного поразмыслил — внутри процессора становилось уже тепло от напряга — и спросил:

— Хорошо. И что это нам даёт?

— Сейчас расскажу, — вместо Гефеста ответила Светлана и подсветила на карте несколько направлений. — Вот предварительный список, куда теперь мы сможем долететь. Мы учитываем не только дальность, но и состояние звёзд, вероятность обнаружения пригодных планет, доступную нам траекторию и ресурс корабля.

Я ткнул в ближайшую отметку:

— Проксима Центавра. Хочу туда.

— Почему? — уточнил Гефест.

— Потому что ближе к нам.

Он молчал и холодно на меня смотрел.

— Чуть больше четырёх световых лет, — пояснил я.

Холод в его глазах, как мне тогда показалось, превратился в презрение.

— Мы же ограничены временем. — Я всё ещё не понимал, почему он не поддерживает мой энтузиазм.

— А когда прилетим, — спросил Гефест, — что будешь делать?

— Высаживаться.

— Куда?

Я, наконец, сообразил, почему он так реагирует, и открыл сведения о планетной системе. Уже через несколько строк мой выбор перестал выглядеть таким очевидным. Светлана, словно прочитав мои мысли, вывела график активности звезды. Вспышки на нём напоминали зубья очень неровной пилы. Если там и есть подходящие по размеру и климатическим условиям планеты, жизнь невозможна в принципе. Но сдаваться просто так не хотелось.

— Это не означает, что там обязательно нет подходящих условий, — пояснила она, подталкивая меня в правильную сторону. — Но мы не можем хотя бы на пять процентов гарантировать успех экспедиции.

Гефест скрестил свои верхние руки и посмотрел на меня в упор.

— Ближайшее убежище полезно, когда знаешь, что у него есть крыша. Если вместо крыши периодически прилетает жёсткое излучение, воды нет, а температура скачет от минус ста пятидесяти до плюс ста пятидесяти, близость перестаёт быть главным достоинством.

— А я предупреждал, — сказал Бублик.

— О чём?

— Пока ни о чём. Но собирался.

Он поднял морду к карте и замолчал. Видимо, понял, что его т*а*ксичная (к слову, тут нет опечатки) язвительность сейчас неуместна.

— Предлагаю понятные критерии, — проговорил Бублик уже более серьёзным тоном. Умел же, когда хотел. — Тёплое место. Твёрдая поверхность. Возможность ходить. Желательно, чтобы местные флора и фауна не пытались съесть того, кто ходит.

— Для людей ещё нужна атмосфера, — напомнил я.

— Люди всегда всё усложняют, — ответил он, сел на попу и почесал задней лапой за ухом.

Мы перебрали несколько вариантов. У одних звёзд было слишком мало надёжных сведений о планетах. У других — достаточно данных, чтобы не захотеть туда лететь. Где-то обнаруживалась так называемая сверхземля, которая выглядела величественно, но в качестве места для пионерского лагеря подходила плохо.

— Мне нравится вот эта, — проговорил Бублик, когда мы дошли до Тау Кита. — Всего около двенадцати световых.

— Не лучший вариант, — помотал головой Гефест.

— Почему? Это же звезда-близнец нашего Солнца, — ответила за робопса Светлана. — И у неё есть минимум четыре планеты земного типа.

Нижние руки Гефеста легли ему на пояс, а верхние скрестились.

— Потому что она намного древнее Солнца. И систему окружает массивный диск из обломков. То есть потенциальных комет и астероидов. Да и землеподобные планеты находятся на краю потенциально обитаемой зоны. Придётся долго и упорно терраформировать мир, а у нас для этого недостаточно времени. Она видится синицей в руке, но может оказаться недовольным пингвином, который гонит прочь непрошеных гостей.

Я уже начинал сердиться на Вселенную, когда в архиве, словно по чьей-то подсказке, сам собой открылся пакет с невзрачным названием:

«η Cas A. Повторная обработка. Совместные наблюдения».

Возле него стояла старая отметка КАЛСа:

«Проверить при окончательном выборе».

— Вот это, — я ткнул пальцем в звёздочку позади Солнца.

Светлана убрала лишние звёзды, оставив на карте лишь одну систему. Внизу появились титры:

«Эта Кассиопеи А».

— А вот это уже «журавль в небе», — кивнул Гефест. — Молодец.

Бублик удивлённо посмотрел на него, потом на меня. Впервые наш мизантроп кого-то похвалил. Я решил не разрушать магию момента и вызвал на информационную панель данные об этой системе. Расстояние — около девятнадцати целых четырёх десятых светового года. Главная звезда почти один в один наше родное солнышко.

Я попросил Светлану увеличить масштаб и показать Зону Златовласки. Рядом со звездой появилась ещё одна точка. Она была настолько невыразительной, что я сначала принял её за дефект изображения.

— Это планета? — спросил я, снова непроизвольно взглянув на решётку динамика в потолке.

— И похоже, что вполне пригодная для наших пассажиров, — подтвердила оттуда Светлана. Если бы не серьёзность момента, я бы улыбнулся.

При подходящей атмосфере на поверхности могла существовать жидкая вода. Оценки размера указывали на мир, несколько превышающий Землю. Часть наблюдений допускала наличие кислорода и азота. Но отдельные спектральные признаки требовали перепроверки. Но самое главное — близко не было планет-гигантов, а это означало, что территория вокруг планеты стабильна.

— Тихая гавань, — медленно проговорила Светлана, словно не веря самой себе.

Впрочем, ни одна строка отчёта о планете не говорила: «Приезжайте, здесь безопасно». Но впервые передо мной находилось не просто место, где мы теоретически могли оказаться. Передо мной был мир, который стоило искать и исследовать. Возможный новый Эдем, где мы возродим жизнь.

Я увеличил тусклую точку.

— Теперь выглядит дороже, — оценил Бублик.

— Можешь помолчать?

— Могу. Но тогда станет скучно.

Я собирался ответить, когда ещё раз посмотрел на расстояние до неё от Солнца. Потом вспомнил первоначальную оценку нашей крейсерской скорости, которую называл КАЛС ещё на Луне.

Две десятых световой.

Несложное деление дало результат, от которого даже моя система эмоциональной имитации решила не отставать от обстоятельств.

— Сто девяносто четыре года. Не подходит.

Гефест убрал руку и посмотрел на меня с удивлением. Светлана тоже вскинула брови и уставилась на меня из панели, ожидая объяснений.

— Мы не можем лететь так долго. У нас всего двадцать пять лет. Точнее, уже на полтора года меньше.

Гефест протянул руку к Светлане и попросил:

— Девочка, увеличь изображение доработанного двигателя.

Подруга не любила, когда тот к ней так обращался, но ему было всё равно. Да и, по правде говоря, он действительно был таким древним роботом, что по человеческим меркам мы могли быть даже не его детьми, а внуками. В общем, она выполнила просьбу, и тогда наш главный механик стал пояснять:

— Давид, начальная оценка скорости относилась к прежней модели двигателя. Посмотри на расчётный профиль.

Я посмотрел. Магнитный кокон в сотни километров собирает разреженный межзвёздный водород. Лазерная ионизация превращает его в плазму. Термоядерная камера сжигает ее в реакции дейтерий — гелий 3. Магнитное сопло выбрасывает продукты реакции, создавая непрерывную тягу.

Я посмотрел на Гефеста, и тот кивнул, сообщив:

— Всё правильно. Двигатель работает непрерывно, а не импульсами. И разгоняет наш корабль с постоянным ускорением чуть больше одного джи.

— И что это нам даёт? — всё ещё не веря в удачу, спросил я.

— По земным часам полёт займёт около двадцати пяти лет. А по корабельным, с учётом релятивистского замедления, — чуть менее двенадцати.

— Но двигатель должен не только разогнать нас, но и остановить.

— Учтено.

— И могут потребоваться ремонтные работы.

— Это непредсказуемо.

— И защита не становится надёжнее оттого, что внутри корабля время идёт медленнее.

— Вот теперь, — вмешался Гефест, — ты начинаешь приводить полезные доводы. Но забыл ещё один момент. Звезда не собирается ждать нас на том же месте. Она тоже движется.

Я включил пространственное движение всех объектов галактики Млечный Путь. Эта Кассиопеи А потянула за собой тонкую линию, и предполагаемая точка встречи сместилась относительно того места, куда я всё время смотрел.

— Она движется вокруг центра Галактики, — наконец понял я.

— Как и Солнце, — кивнула Светлана с экрана.

— Значит, если она идёт за Солнцем, то должна приблизиться к нашей исходной точке?

Гефест поднял одну руку.

Я остановился.

— Что?

— Кто тебе сказал, что она идёт за Солнцем, а не своим курсом?

Несколько секунд в отсеке был слышен только писк датчиков.

Мы рассчитали точку встречи заново. Потом Светлана намеренно скрыла готовую подсказку и предложила мне проверить исходные предположения. Я прошёл их одно за другим: расстояние, движение системы, доступный профиль разгона, длительность пути, запас на торможение, подход к планете.

На торможении задержался особенно долго. Мне не хотелось стать капитаном, который успешно провёз человечество мимо нового дома, красиво промелькнув и помахав на прощание ручкой.

Бублик к этому моменту устроился возле моего кресла. Магнитные накладки удерживали его на полу, но уши слегка приподнимались при каждом движении головы.

— Ну что? — спросил он нетерпеливо. — Берём?

Я посмотрел на расчёты нашего маршрута. По-прежнему несколько графиков, неуверенное пятно, осторожные формулировки. Не обещание. Возможность.

— Берём, — решился я.

— Тогда сразу уточни, есть ли там вкусные косточки.

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Хитровыдуманный КАЛС, кажется, совершил одну, но роковую ошибку. Эмбрионы мы-то, может, и довезём. Но как быть с едой?

— Что? — вопросительно посмотрела на меня Светлана.

Расстраивать её раньше времени совсем не хотелось. И потому я решил приберечь тревожную новость до лучших времён. Ещё долететь нужно, а уж как добывать еду, мы сообразим ближе к делу.

Когда-то я ждал, что КАЛС скажет, правильно ли убран отсек. Потом — правильно ли понято задание. Позднее он отправил меня искать причину утечки энергии, и выяснилось, что причин гораздо больше, чем хотелось бы.

Сейчас шеф не мог уже ничего изменить. Я ещё раз взглянул на документ, который он оставил для меня. В конце письма была одна короткая строка:

«Не выбирай маршрут потому, что он кажется лёгким. Выбирай тот, ошибки на котором ты сможешь заметить и исправить».

— Ты чего замер? — спросил Гефест.

— Проверяю.

— Что именно?

— Себя.

Он не стал торопить. Я ещё раз просмотрел запас времени. Сведения о планете. Перечень неизвестного. Ограничения двигателя.

Потом нажал на информационной панели несколько командных клавиш. Карта изменилась. Несколько возможных направлений исчезли. Осталась одна линия, уходившая от нашего корабля к будущему положению Эта Кассиопеи А.

— Цель принята, — сказала Светлана.

Не автоматическим голосом. Своим. Я посмотрел вверх, на решётку, из которой она говорила.

На этот раз она тоже не стала делать замечание.

— Гефест?

— Расчёт работоспособен, но следить всё равно придётся.

— Бублик?

— Согласен. При условии, что в новом мире запретят откладывать прогулки из-за спасения человечества.

Хотелось произнести что-нибудь достойное момента. О далёком пути, новой звезде, ответственности перед будущим. Возможно, упомянуть древних мореплавателей. Мне всегда казалось, что в подобной ситуации они знали, какие слова нужны. Но перед глазами снова возникла карточка без имён эмбрионов.

И я сказал проще:

— Мы выбрали Эту Кассиопеи А. Там, может быть, мир, в котором мы вместе с теми, кого сейчас везём, сумеем выжить. Я пока не знаю, каким он окажется. Но теперь знаю, куда должен вас довезти.

Светлана не ответила.

Гефест тоже.

Даже Бублик промолчал, и это придало моим словам дополнительный вес.

Я сказал Гефесту, что можно возвращаться в двигательный отсек. И когда он удалился, сел в капитанское кресло. Минут десять я ничего не делал — лишь глядел на звёзды. Но когда на командной панели появился значок готовности четверорукого к запуску двигателя на полную мощность, нажал кнопку подтверждения. Звёзды вокруг как будто ожили и стали смещаться. Мы начали свой полёт к новому дому.

Бублик сказал, что хочет посмотреть на это со всех ракурсов, и убежал к корме. А я на всякий случай вывел информацию о состоянии всех ключевых узлов. В нижнем углу панели вдруг вспыхнул жёлтый прямоугольник:

[ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ КОНТУР ОХЛАЖДЕНИЯ.

НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ПОТЕРЯ ЖИДКОСТИ.

ТРЕБУЕТСЯ ПРОВЕРКА.]

Я посмотрел на предупреждение.

— Проверка так проверка. Пойду прогуляюсь на всякий случай. Капитан я или просто чужие руки?

Продолжение следует...

Глава 2. Ударная волна

Первую каплю я заметил на Бублике, который, нагулявшись, встретил меня около жилого модуля. Людей на корабле не было, но отсек с каютами построили еще на Луне в расчёте на большой экипаж, и мы с приятелем заняли самые большие и комфортабельные, модифицировав их по своему усмотрению. Я создал подобие той, что была в «Новом Харбине», разве что значительно её расширив за счёт пространства для мониторов, дублировавших основные показатели из капитанской рубки. Надеялся, что смогу приглядывать за скучным полетом, валяясь на диване и пересматривая спортивные матчи и сериалы. Наивный.

Бублик же потребовал у Гефеста построить ему целый комплекс. Вначале появился гравитационный тамбур, где двери открывались в ответ на определённое движение хвоста. Воздух внутри сделали сухим, с низким содержанием кислорода, чтобы не окислялись контакты. Вместо кровати появилась магнитная платформа в форме овальной лежанки и несколькими мягкими пуфиками. Там Бублик не только подзаряжался, но и получал полную диагностику в режиме онлайн. Платформа сканировала его системы, охлаждала процессоры. И сверху над всем комплексом стоял манипулятор, который проводил микропылевую чистку и смазку, если у четвероногого гедониста засорялся оптический сенсор или заклинивал сервопривод конечности. Одна стена каюты была отведена под «тактическую панель» — так он её называл. Это был набор различных текстур: шероховатые сплавы, мягкие полимеры и вибромембраны. Когда моему другу становилось скучно, он мог «почесаться» об эту стену, получая поток электронов, имитирующий поглаживание. В углу стоял проектор запахов. Купаж «домашний» состоял из смеси машинного масла, старых книг и валерьянки. Хотя где на Луне ему удалось такой найти — я мог только гадать. Бублик всегда огрызался, если я у него спрашивал об этом. Особенно если намекал на кошачьи привычки или вовсе обзывал ленивым котом. Этого он мне не прощал по несколько часов кряду.

Сейчас неизвестная прозрачная жидкость держалась между искусственными волосками на его загривке и выглядела так, словно Бублик умудрился сгенерировать на своей лежанке ещё и утреннюю росу. Поверхность капелек отражала потолочные светильники. Когда пёс переступил с лапы на лапу, капли вздрогнули, вытянулись и собрались в шарики покрупнее.

Я остановился и сказал:

— Не дёргайся.

Бублик замер с поднятой передней лапой и нарочито испуганными глазами.

— Что?

— У тебя на спине жидкость.

— Очень содержательное наблюдение, — проворчал он. — Возьми тряпочку и вытри.

— Не борзей.

Собачья пасть раскрылась и… захлопнулась. Громко. Я наклонился и поднёс к одной из капель кончик безымянного пальца левой руки — там у меня находился встроенный пробоотборник. Ноготь вытянулся, проткнул шарик, тот частично впитался в анализатор, оставив между волосками на загривке Бублика блестящую плёнку.

— Где ты успел намокнуть?

Бублик медленно повернул голову.

— Давид, — заговорил он со мной таким тоном, будто я был неразумным ребёнком. — Десять минут назад я вместе с тобой выбирал новый дом для «головастиков» и давал ценные советы. Не до душа мне было. Да и в принципе, зачем он роботу? Мы не имеем потовых желез и потому не воняем.

Насчёт «ценных советов» я спорить не стал, но от колкости не удержался:

— Хочешь сказать, ты себя вылизываешь?

Зубы робопса снова клацнули. Уже гораздо ближе к моей ноге.

— Я что, по-твоему, кот?

Словно стараясь доказать своё алиби, он попытался дотянуться носом до загривка, но конструкция роботизированной таксы этого не позволяла.

— Только не вздумай встряхиваться, — предупредил я. — А то разлетятся улики по всем закоулкам.

Пёс замер во второй раз.

— Улики? Ты снова играешь в Пинкертона?

— Нет. Просто не люблю странностей.

Пёс сел на попу и недовольным тоном проговорил:

— У тебя всё запрещено. Купаться нельзя, отряхиваться нельзя. На новой планете я первым делом потребую конституцию.

— С правом на сухую шерсть?

— С правом на компетентного владельца. Сухая шерсть появится сама.

Я попросил Светлану усилить освещение и на тёмных волосках Бублика нашёл ещё несколько мелких капель. Они располагались тоненьким пунктиром вдоль спины — от загривка почти до хвоста. Словно робопёс попал под струйку жидкости, когда проходил мимо.

Я посмотрел на потолок. Однако тут пришлось вспомнить об обычной физике. Если мы, роботы, могли примагничиваться к полу и ходить в невесомости как нам вздумается, то с водой это не работало. При земном тяготении источник должен был бы находиться сверху, но в космическом корабле капли попали туда, куда их доставил поток воздуха.

Я посмотрел по сторонам и понял, что прав. Одну каплю я увидел перед защитным кожухом кабельной трассы. Вторая медленно двигалась к вентиляционной щели. Ещё несколько почти неразличимых шариков дрожали возле потолочного стыка. Если бы не шерсть на загривке Бублика, те капли тоже разлетелись бы в разных направлениях.

— Светлана, покажи движение воздуха на этом участке.

В поле зрения возникли тонкие голубые пунктиры. Воздушный поток тянул жидкость к возвратному каналу, но её источник находился ближе — возле сервисной панели над проходом. На нижнем краю решётки поблёскивала влага. Там, где поток обдувал выступ, она вытягивалась в тонкий прозрачный ус. Видимо, Бублик проходил мимо и своей наэлектризованной шерстью перетянул часть воды на себя.

— Так это корабль в меня плюнул? — удивился пёс.

— Похоже, он тебя не любит, — кивнул я.

— Запомню. Посмотрим, как он запоёт, когда будем разбирать его по прибытии на новую планету.

Я не очень верил в то, что Бублик собственными лапами что-нибудь разберёт. В лучшем случае — раздерёт или сломает. Но провоцировать его дальше уже не решился. Что-то сегодня у него с настроением не то.

Решётка закрывала сервисную нишу системы вспомогательного охлаждения. За ней проходили трубки, несколько разъёмов и небольшой воздухообменный канал. Я заглянул туда. Влага собралась на одном из креплений, но место, откуда она поступала, пока не просматривалось.

Алгоритм завершил обработку информации о капле, которую я снял с шерсти Бублика. Это оказался технический теплоноситель. Водная основа, присадки, ингибитор коррозии в одном флаконе. Слабый диагностический маркер, по которому систему можно было отличить от соседних контуров.

Я отправил отчёт Светлане и попросил её сверить с базой данных корабля.

— Состав соответствует вспомогательному контуру охлаждения периферийного оборудования, — сообщила она.

— С инкубатором связан?

— Напрямую — нет. Холодильные установки работают через отдельную систему. Их параметры не менялись.

Я невольно оглянулся в сторону наших яслей. Совсем недавно стоял там и представлял граждан новой планеты. Теперь несколько капель требуют провести дополнительную проверку, не угрожает ли что-нибудь будущим людям.

— Биологические примеси есть? — снова спросил я у Светланы.

— Не обнаружено.

Бублик пробурчал:

— Всё-таки просто душ. Спасибо, конечно, но я не просил.

Я поднёс пробу ближе к локальному анализатору. Вторая проверка подтвердила первую.

— Течь небольшая, — сказал я, стараясь отогнать мысль об ущербе инкубатору.

— Пока ты измерил только размер капель, — пророкотал за спиной Гефест.

Он появился так тихо, словно не был четырёхруким гигантом, полностью состоящим из титанового сплава. В одной руке он держал диагностический блок, в другой — гибкий световод, ещё в двух — инструменты.

— Ты измерил расход? — с ходу спросил он.

— На сводке было написано…

— На заборе тоже написано, — грубо оборвал он. — Надо было установить причину самому. Отодвинься. — Он снял решётку, не позволив скопившейся жидкости разлететься. — Светлана, изолируй участок от автоматической подкачки.

— Изолировала. Давление контролирую.

— Нагрузку на обход.

— Перевожу.

— И выведи то, что мы там увидим, на общий экран.

Гефест ввёл световод внутрь ниши. На стене засветилось изображение соединения. Металл, уплотнительное кольцо, тонкий полумесяц жидкости.

— Вот, — сказал я.

— Вижу.

— Проблема в кольце? — решил уточнить я.

— Возможно.

Он коснулся корпуса датчиком.

— А возможно, само повреждение выше по магистрали, а сюда жидкость дошла по наружной поверхности. Или соединение получило нагрузку, которой здесь быть не должно. Или неправильно работает компенсация давления.

— Ты всегда начинаешь с худшего?

— Нет. С проверяемого.

Бублик сел у моих ног.

— А я бы начал с полотенца, — проговорил он, поднял заднюю лапу и почесал за ухом.

Я протянул ему чистую салфетку. Он посмотрел на неё, потом на свои лапы. И проворчал:

— Тонкая издёвка. Почти человеческая.

Пришлось вытереть его самому. Гефест тем временем закрепил вокруг соединения прозрачный диагностический кожух. Внутри него медленно выросла новая капля.

— Теперь измерим, — сказал он.

Я следил за шкалой. После снятия подкачки давление понижалось плавно. Никакого резкого провала. Температура оставалась в допустимом диапазоне. Неисправность действительно

выглядела небольшой, но говорить это вслух я не стал. Зачем нарываться на грубость Гефеста и ворчание Бублика?

В коридоре вдруг прозвучал голос Светланы. Точнее — один из её тембров, предусмотренный для тревожных новостей:

— Регистрирую внешнее изменение среды.

Я поднял голову.

— Насколько внешнее?

— Примерно в миллионе километров за кормой. Регистрирую приближение неоднородности плазмы.

Гефест убрал один инструмент.

— Покажи, — попросил он. — И приблизь.

Две стены коридора превратились в экран. Было необычно оказаться в такой обстановке — пол и потолок металлические, а по бокам будто открытый космос. Но с кормы, которую демонстрировала левая сторона, нас догоняла заметная мутная пелена.

Чем ближе она становилась, тем отчётливее мы видели искажение пространства. Бледную, местами голубоватую «слизь» с красными прожилками, в которой искривлялся свет звёзд. Местами она состояла из неровных складок, которые выглядели тонкими спутанными нитями.

Бублик перестал заниматься своей шерстью.

— Это туман?

— В космосе? — поддел его Гефест.

— То есть очень плохой туман?

Гефест попросил приблизить участок с особенно яркой дугой и запросил дополнительные данные. На стене возникли графики.

— Ударная оболочка? — Кажется, наш механик был не на шутку удивлён.

Я посмотрел на огромную складчатую поверхность.

— От чего?

— Без анализа данных могу только предположить, что это остаток ударной волны от далёкого звёздного взрыва.

— Не рядом с нами? — спросила Светлана.

— Если бы рядом, мы обсуждали бы другую проблему, но недолго. Пару секунд. А эта возникла где-то очень далеко. Она уже потеряла свою ударную силу и долетает до нас лишь в виде возмущения пространства.

Светлана добавила к изображению схему окружающего пространства. Наш корабль оказался возле крошечного участка её внешней области. Бóльшая часть сферы лежала далеко за пределами карты.

— Это локальный фрагмент расширяющейся оболочки, — согласилась она. — Источник может находиться в сотнях, а то и тысячах световых лет. Возраст возмущения пока не определён, но речь точно не о событии, которое произошло недавно.

Гефест вернулся к охлаждающему соединению. Проверил кожух, затем включил временную фиксацию.

— Это оставляем под наблюдением. Сейчас важнее наружный поток, — пророкотал он.

Я помог ему закрепить инструменты и снова посмотрел на догоняющую нас волну. И в этот момент мне показалось, что я вижу в ней глаз. Он появился левее яркой складки, чуть выше середины экрана. Перевёл взгляд на соседнюю часть пелены. И увидел второй глаз. В паре они выглядели так, будто древний космический бог решил посмотреть, что это за букашка посмела летать между звёзд без его дозволения. И этот взгляд явно был недовольным.

— Светлана, — позвал я.

— Слушаю.

— Увеличь левый участок. Возле пересечения двух складок.

Сходство не стало убедительнее. Наоборот, крупные неровности распались на отдельные пятна. Одна из светлых полос оказалась рваной, другая — составленной из нескольких несовпадающих слоёв.

— Что ты ищешь? — спросила Светлана.

— Не знаю. Здесь будто лицо.

— Могу изменить контраст.

— Давай.

Пятна соединились. Над тёмными областями обозначились дуги. Ниже возникла линия, которую мои зрительные алгоритмы уверенно приняли за рот. Справа светлая складка легла вдоль предполагаемой скулы.

Пелена колыхнулась, а я застыл. Сначала я узнал движение — именно так она наклоняла голову, прежде чем сказать что-то обидное. Потом — именно таким было выражение её лица перед нашей последней битвой. И лишь после этого память услужливо подсказала имя.

Процессоры тут же вывели на внутренний интерфейс картинку, как я стою в подлунных катакомбах, за моей спиной вращается прототип снаряда, способный уничтожить Землю, и я пытаюсь придумать, как всех спасти.

— Давид? — позвала Светлана, вероятно, увидев моё замешательство.

Я не ответил. Бублик удивлённо на меня посмотрел, а потом тоже повернул голову к изображению, склонил ее вправо — как всякой собаке ему мешал длинный нос — и… зарычал. Секунда – и он уже принял боевую позу и чуть не бросился в драку.

— Ты тоже её видишь? — спросил я друга.

Бублик медленно повернул ко мне морду.

— Да.

Гефест поднял взгляд.

— Что именно?

Я заставил себя произнести имя:

— Мегир-сехер.

Светлана открыла рядом архивное изображение из моих лунных записей. Похоже. Хотя справедливости ради — сходство было неполным. У пелены не было настоящей кожи, вертикальных зрачков и архаичной одежды. Некоторые линии отсутствовали. Другие возникали только потому, что мой разум соглашался соединить их определённым образом.

Но глаза. И эта слегка перекошенная линия рта. И два острых ядовитых клыка, торчавших из-под верхней губы. Архивная Мегир-сехер смотрела почти так же.

— Это не может быть она, — я нашёл в себе силы оставаться логичным. — Она погибла. На моих глазах. Её растерзали те, кого она презирала ещё больше, чем людей и роботов.

Гефест холодно посмотрел на меня, но выспрашивать не стал. Он предложил проследовать в рубку и там вывести все данные на информационные панели. Слева — то, что показывали внешние камеры, а справа — наши воспоминания.

Впрочем, лёгкая паника угасла, когда Светлана поиграла с изображением. Стоило ей убрать один слой подсветки, как предполагаемый рот превращался в случайный разрыв светлой нити.

— Светлана, поменяй цветовую схему, — попросил я. — Без привычных оттенков.

Пелена стала бело-зелёной. Лицо осталось.

— Убери сглаживание.

Края распались. Теперь узнавание требовало усилия.

— Поверни на девяносто градусов.

Светлана повернула. Передо мной оказалась просто странная складчатая структура. Я несколько секунд рассматривал её и неожиданно понял, насколько сильно мозг — или то, что выполняло его функции во мне, — хотел вернуть изображение в правильное положение. У

людей это называется «парейдолия» — восприятие часто выхватывает «лица» из абстрактных сочетаний, типа трещин на краске или пятен на Луне. Синтетики и здесь оказались похожи на создателей! Кто бы сомневался.

— Вот, — сказал Гефест.

— Что «вот»?

— Теперь ты проверяешь, а не узнаёшь.

Мне показалось, или это он меня так похвалил? Я хотел возразить, что именно узнавание иногда спасает жизнь. Особенно если распознаёшь опасность вовремя. Но делать этого не стал. А открыл журнал нашего полёта и записал наблюдение: «В обработанном изображении обнаружена структура, напоминающая лицо».

Отдельно — собственное толкование: сходство с Мегир-сехер.

Отдельно — подтверждение Бублика.

Потом указал условия, при которых сходство усиливалось или ослабевало.

— Передовые возмущения уже регистрируются, — сообщила Светлана. — Основная граница неоднородности ближе, чем дала первая оценка. Уточняю её положение.

На экране появилась новая линия. Я посмотрел на неё, затем снова на лицо.

— Может это быть искусственным сигналом?

— Исключить пока нельзя, — отозвалась Светлана, — но подтверждения структуры, несущей сообщение, у меня нет.

— А помеха?

— Тоже возможна.

— А просто случайность?

— Конечно.

Мне хотелось получить определённый ответ. Любой, лишь бы он позволил перестать смотреть на лицо змееголовой воительницы, составленное из света и приборных данных.

В итоге я завершил запись в журнале фразой «Причина не установлена». И закрыл его.

— Так что там с жидкостью? — спросил я у Гефеста.

— Ты рано расслабился, — ответил он. — Как бы эта волна не поломала всю схему работы моего тюнинга.

Четверорукий уселся в кресло второго пилота и вызвал схему магнитного сборщика — нашего слоновьего «хобота», собиравшего по дороге свободный водород. Изображение пелены сдвинулось влево, «лицо» уменьшилось, отчего стало более чётким.

— Что у нас с секторной нагрузкой? — продолжал тыкать в сенсорные клавиши механик. У него не особо получалось, и в итоге он попросил Светлану сделать это.

Она вывела столбцы значений. Несколько строк были жёлтыми, а не зелёными.

— Отмечаю снижение захвата. Пока ещё сумма в заданном диапазоне, но по нижней границе.

— Ориентация поля?

— Меняется.

Гефест что-то забубнил, но так тихо, что я не расслышал. Я уже научился замечать: когда он ругался или язвил, ситуация обычно оставалась управляемой. Когда вот так замирал и что-то тихо бормотал себе под нос, значит, проблема реальна и всё не так просто.

— Насколько быстро она меняется? — уточнил он, тоже, как и я раньше, задрав голову к потолку, словно Светлана находилась где-то там, в районе вентиляции.

Ответ появился на экране. Я не успел оценить числа, но увидел, как одна из цветных полос пересекла отмеченную границу.

— Давид, — сказала Светлана, — закрой сервисную панель и закрепись.

— Утечка…

— Участок изолирован. Контроль сохраняется. Закрепись.

На этот раз я не задавал вопросов. Тоже сел в кресло и защёлкнул ремни. Бублик запрыгнул в соседнее, и я помог ему.

Экран с лицом мигнул: Светлана убрала второстепенные изображения, оставив только параметры двигателя и внешней среды. На секунду мне показалось, что перед исчезновением линия рта изменилась – будто Мегир-сехер улыбнулась.

— Возмущённый слой нас догоняет, — предупредила Светлана, — до нас осталось десять секунд, пять, две, одна…

Никакого удара не было. Ни вспышки, ни грохота, ни толчка, которого ожидала моя память, привыкшая связывать словосочетание «ударная волна» с чем-нибудь плотным. Просто на схеме в разделе датчиков прочности корпуса выросла нагрузка. Несколько показателей скакнули, но быстро вернулись обратно. Кроме одного — он застрял чуть выше нормы.

Гефест вытянул руку к панели локального управления.

— Ограничение по третьей группе.

— Выполняю.

— Быстрее разгружай левую.

— Уже.

Под ладонью, которой я держался за подлокотник, изменилась вибрация. Совсем немного. Будто внутри привычного ровного хора, который составляли двигатель, датчики и другие источники звука, один инструмент вдруг начал фальшивить.

Я поднял глаза на схему. Линия тяги сместилась.

— Гефест…

— Вижу.

В потолочной нише коротко щёлкнуло.

— Асимметрия захвата растёт, — сообщила Светлана. — Перехожу на аварийное ограничение.

Теперь я почувствовал толчок всем телом. Слабый, но всё же заметный. И курс вдруг сместился на несколько угловых секунд. Корабль больше не шёл так, как мы рассчитывали.

Глава 3. "Хобот" заболел

На центральной панели загорелись аварийные предупреждения:

[НЕРАВНОМЕРНОСТЬ НАГРУЗКИ.]

[ОТКЛОНЕНИЕ ОСИ ТЯГИ.]

[ПРЕВЫШЕНИЕ РАСЧЁТНОГО ГРАДИЕНТА ПОЛЯ.]

— Нарушение симметрии потока в сборщике, — добавила свою ложку дёгтя в алармистскую бочку Светлана. — Компенсация не успевает за изменением внешних условий. Ограничиваю захват.

Гефест раскрыл на главной консоли схему внешней магнитной фермы. Несколько участков «хобота», улавливающего блуждающий по галактике водород, светились жёлтым, а парочка даже красным. И схема корабля теперь походила не на монструозную стрекозу, а на насосавшегося крови комара-переростка.

— Разгружаю третью группу, — сообщила Светлана

— Не сразу, девочка, не сразу. Давай поэтапно. При резком сбросе получим бросок на соседних секторах. И тогда отклонение от заданного курса составит уже не секунды, а минуты. Пролетим мимо цели так далеко, что нас размажет о ближайшую чёрную дыру.

— Хорошо.

Одна из линий на схеме дрогнула, но это только ухудшило положение дел. Появились новые жёлтые участки, а прежние стали оранжевыми — один шаг до полной потери работоспособности.

— Что происходит? — выпалил я. Что-то мои процессоры не на шутку разогрелись.

— Это предупреждение в близком коллапсе «хобота», — проворчал Гефест. Нашему четверорукому не нравилось, что мы назвали его тюнинг таким плебейским словом, но сейчас, видимо, было не до сантиментов. — Если это случится, наша миссия провалится.

Вдруг меня потянуло в сторону. Совсем слабо, но ощутимо. Рука соскользнула с подлокотника, а звёзды в переднем иллюминаторе начали вращение по часовой стрелке. Да ещё корабль стал рыскать по курсу.

— У нас что, началась внеплановая прецессия? — удивился я.

— Или «хобот» заболел? — подал голос Бублик.

Гефест не удостоил нас ответом, а Светлана попросила открыть сервисную панель справа от моего кресла. Я повернулся. Вместо одной там было три панели.

— Какую? — спросил я.

— Когда всё закончится, посажу тебя за учебник. Тоже мне, капитан, — пророкотал Гефест.

— С маркировкой ВК-два, — подсказала Светлана. — Внутри ручной переключатель и жёлтая защитная скоба. Её подними, а переключатель пока не трогай.

Однако за панелью находились сразу два жёлтых элемента. И выглядели они так, что быстро разобраться, какой из них скоба, а какой переключатель, было невозможно. Я потянулся к ближнему.

— Ниже, — снова подсказала Светлана. Кажется, в её тоне тоже промелькнуло раздражение. — Тебе нужно открыть резервный канал.

Я посмотрел повнимательнее. Под скобой виднелась надпись: «РЕЗЕРВ».

— Нашёл.

— Сейчас сниму нагрузку. Дождись подтверждения.

Внутри шкафа щёлкнули реле. Гул в отсеке почему-то усилился. Мне захотелось немедленно повернуть переключатель. Любое законченное действие казалось лучше ожидания.

— Готово. Переводи, — сказала подруга.

Я повернул рукоятку. Её заело на середине хода, но прикладывать силу я опасался: дурито хватит, чтобы что-то сломать. Я ж робот.

— Не дошла. Что-то мешает.

— Фиксатор слева. Нажми и продолжай.

Нажал. Рукоятка встала в положение резерва. На панели загорелись две зелёные точки.

— Подтверждаю, — сказала Светлана. — Теперь САО[2]работает от независимой линии.

Прецессия постепенно сошла на нет. Корабль снова лёг на прежний курс. Я расслабился. Хотя температура моих процессоров как подскочила, так и не хотела опускаться — они продолжали работать на повышенных оборотах.

— Кажется, в прошлый раз мы кое-что не доделали, — предположил Гефест. — Пойдёмте-ка.

Мы вместе двинулись к тому месту, где я обнаружил жидкость на шкуре Бублика и утечку в трубах. Гефест снова раскрыл конструкцию. На первый взгляд ничего ужасного не было. Короткая трубка, соединение, небольшой изгиб возле крепления. Потом Гефест повернул её под светом, и на внутренней стороне изгиба я увидел тонкую трещину.

— Странно, такое возможно только от жёсткого удара, — недоуменно произнёс Гефест.

— Единственная встряска за последний месяц — разве что эта ударная волна от взрыва далёкой звезды. Но корпус-то выдержал. Даже «качки» не было, — проговорил я.

— Возможно, соединение начало разрушаться раньше. Всё-таки корабль собирался втайне на Луне почти десять лет. Опять же, тараканы твои могли что-то подгрызть. В общем, причину установим позже — после подробного осмотра. Сейчас надо быстро всё заменить.

Он сходил в грузовой отсек, распечатал аварийный комплект и вернулся к нам с новым гибким шлангом. Потом сунул его мне в руки и приказал провести ремонт. Мол, учись, пока я жив, пригодится. Тоже мне, гуру. Хотя спорить с таким гигантом — себе дороже. Да и моих друзей экскаваторов тут нет. Так что я примерился и сделал всё, что он велел. Шланг был чуть длиннее повреждённого участка и не особенно красиво укладывался в тесной нише. Гефест заставил меня переделать.

Потом ещё раз.

— Здесь перетрёт, — пояснил он.

Я изменил положение.

— Здесь перегиб.

Передвинул крепление.

— Здесь не останется хода на температурное расширение.

Я молча посмотрел на него.

— Что?

— Ничего.

— Вот и работай.

Бублик решил проявить дружеское участие, и когда Гефест куда-то отошёл, доверительным тоном проговорил:

— Он бы и змею заставил ползти с правильным радиусом изгиба.

Упоминание змееголовых мгновенно остудило желание возмущаться. Да и Гефест, когда вернулся, наконец, принял укладку. Шланг я закрепил так, чтобы он не ударяла по соседним элементам. Кронштейн получил новую стяжку. Светлана поэтапно вернула давление. Целых пять минут мы пристально смотрели на соединения. Новых капель не появлялось.

— Герметичность подтверждаю, — сказала она. — Но ещё сутки основной контур будет работать через обход. Ограничение нагрузки на этот будет снято постепенно.

[2] САО – система астроориентации.

Когда мы шли обратно по коридорам, всё выглядело почти как раньше. Светильники горели ровно. На полу не было ни обломков, ни огня — ничего, что могло бы убедительно показать будущим хронистам, насколько близко мы оказались к краху. Только подсохшая полоска влаги на стене, успевшая впитать крошечную пыль, напоминала о случившемся. А ещё Гефест держал снятую повреждённую трубку так, словно она лично его оскорбила.

— Режим двигателя устойчивый, — сообщила Светлана. — Захват водорода всё ещё ограничен. Проходим наиболее неоднородный участок пространства. Поперечная нагрузка в допустимых пределах.

Я вызвал изображение инкубатора. На всех панелях горели зелёные статусы. Температура без опасных изменений. Резервное питание готово.

— Дети целы? — спросил Бублик.

— Ага.

— Тогда запиши, что я участвовал. Историю пишут победители. А для карапузов нужно сформировать правильные легенды.

— Например?

— Ну… много вариантов можно придумать. Как тебе такое: Великий Цербер и один раздолб… назовём тебя лучше Мудрым Оракулом… спасают детей у Звёздных врат.

— С молитвой богу бинарного кода на устах?

Бублик недоуменно посмотрел на меня, потом на Гефеста, на его две пары рук.

— Ну… — протянул робопёс задумчиво. — Я ещё подумаю, как докрутить. А то рассказывать им про Золотое руно и аргонавтов на новой планете будет уже странно, согласись.

Гефест убрал повреждённую деталь в контейнер и, отпихнув Бублика, сказал мне:

— Лучше запиши и запомни последовательность ручной изоляции. С отдельным пунктом про остаточное давление.

— Запишу.

— И запомнишь.

— Да на жёсткий диск запишу!

— И из оперативки тоже далеко не выгружай.

Он встал и ушёл в свою любимую берлогу, роль которой исполнял двигательный отсек.

Я проводил его взглядом и сам себя же отругал. Единственным моим успехом как капитана остаётся имитация человеческих эмоций в самых элементарных инженерных операциях. Скоро начну ругаться как сантехник. Кажется, мне должно быть за это стыдно. Без Светланы мы бы не удержали корабль. Без Гефеста я, вероятно, добавил бы к одной аварии вторую. Чем бы это закончилось, даже размышлять не хотелось. Надо получше освоить программный пакет космонавтики и пилотирования.

Я открыл журнал происшествий и стал фиксировать свои косяки, чтобы их потом не повторять. Писал долго, выстраивая все события посекундно. И вдруг при своде записей я обнаружил белое пятно — период чуть больше четырёх секунд. И оно относилось к работе нашего «хобота», собиравшего свободный водород.

— Светлана? — поднял я изумлённый взгляд.

— Тоже вижу, — ответила она. — Сейчас проверю.

Через минуту она сказала:

— В основном архиве тоже пробел. Контроллер зарегистрировал краткосрочное нарушение передачи информации. Возможно, из-за переключения питания.

— Это произошло одновременно?

На шкале появились дополнительные метки. Не в один момент, но достаточно близко, чтобы простое объяснение оставалось простым.

— Есть признаки удаления какой-то информации?

— Не-а. Но и записи, что произошло в эти секунды, тоже найти не могу.

— Ладно, защити на всякий случай всё, что осталось, двойным шифрованием. Включая журналы переключения.

Я внёс в судовой журнал запись: «Потеря данных. Причина требует проверки». Потом открыл сохранённое изображение лица, которое мы увидели в ударной пелене. Мегир-сехер снова появилась на стене. Точнее — не сама змееголовая, а та структура, в которой мы увидели черты нашей былой противницы. Сейчас сходство выглядело менее убедительным. Неровные полосы, пятна, складка… Лицо угадывалось, но скорее как случайное совпадение.

— Ладно, позже над этим ещё подумаем. Главное, что всё удалось починить. Летим дальше.

После аварии прошло несколько часов. Светлана удерживала корабль на ограниченном режиме. Вернулся Гефест и потребовал, чтобы я изучил журнал ресурсов. И тут я понял, что словарного запаса, которым я пользовался, отчитываясь о клининге на лунной станции, не хватало для межзвёздного путешествия.

— Давление? — спросил Гефест.

— В норме.

Он даже не потянулся к панели. Просто сердито посмотрел на меня. Ну как сердито — у него не было такой же эластичной искусственной кожи, как у меня. Но титановая рожа с холодными чёрными глазами без зрачков, смотрящая на тебя в упор секунд пять, может быть не менее убедительным аргументом, чем сдвинутые брови или кривой оскал.

Я покорно открыл подробные показания.

— На подающей линии двести восемьдесят шесть килопаскалей. В текущем режиме допускается от двухсот семидесяти до трёхсот двадцати. За последние двадцать минут существенного изменения нет.

— Погрешность?

— Два килопаскаля.

— Уже можно разговаривать? — Бублик, лежавший у стены, поднял голову. — Температура лежанки — ниже желаемой. Допустимый диапазон терпения почти исчерпан.

Гефест покосился на него, потом на меня.

— Заявку на ремонт он подавал? — спросил четверорукий.

Бублик снова влез:

— Возраст заявки скоро позволит ей самостоятельно ходить в школу.

Я открыл перечень требований. Лежанка действительно там была. И несколько отложенных проверок, ибо Бублик охамел. Но конфликтовать не хотелось.

— До лежанки тоже дойдём, — пообещал я.

Бублик сделал вид, что тяжело вздыхает.

— Записал. И запомнил, — сказал он и улёгся в кресло штурмана.

Его металлические зубы пару секунд поскрежетали. Я же занёс напоминалку: «Проверить в следующем цикле». Гефест на это ничего не сказал, а спросил о другом:

— А ты давно проводил инвентаризацию?

Бублик как-то виновато посмотрел, быстро спрыгнул с кресла и куда-то умотал.

Я обратился к Светлане. Чтобы было удобно читать данные, она развела их по группам. В разделе «Двигатель и энергетика» находились катушки магнитного сопла, сверхпроводники, криокулеры, насосы и разное другое. Свои наборы были для терморегуляции, ремонта корпуса и механики, электроники и управления и, конечно, медицины и поддержки оборудования для доращивания эмбрионов на месте. Самым большим отсеком был трюм с сырьём. Титановый, алюминиевый, медный и никелевый порошки, огромный, величиной с четыре футбольных поля, отсек для кубиков металлизированного водорода, катализаторы, клеи, хладагенты, смазки, разные полимеры и углеродное волокно.

И хотя список звучал крайне внушительно и всё это хозяйство занимало огромную площадь, для дистанции в двенадцать-тринадцать лет оно выглядело более чем скромным. Запаса должно хватить с большой натяжкой, так что Бублику придётся урезать свои хотелки. Правда, пусть ему об этом сообщит Светлана или лучше Гефест. У подруги он ещё сможет что-нибудь выклянчить, а вот у четверорукого вряд ли. А то начнёт ворчать или что-нибудь портить. Оно мне надо?

— А сами-то эмбрионы выживут? — спросил я у Светланы.

— По времени у нас хороший запас, — отозвалась она. — Но вот как скажется радиация — узнаем только в процессе. При правильно поддерживаемых условиях всё должно получиться. Но если выйдет из строя необходимое оборудование…

Неожиданную мысль родил мой эвристический анализатор, и я решил высказать её вслух:

— А давайте включим таймер. На всякий случай. Сколько проходит времени по внутренним часам?

— И назовём эту шкалу корабельной? — уточнила Светлана.

— Идёт.

На главном экране появился отсчёт, стартовавший два месяца назад, в начале полёта.

— По ней считаем работу оборудования, наши действия и время хранения, — одобрительно кивнул Гефест.

Рядом возникла вторая строка.

— Это координатное время принятой внешней системы отсчёта. Используем его в расчёте движения звёзд и корабля.

Я посмотрел на обе шкалы.

— Календарь Земли?

— Не совсем. Мы можем связать его с исходной датой и принятой моделью движения Солнечной системы. Но это не показания живых часов, которые сейчас тикают на Земле. И не универсальное время всей Галактики.

— Для потомков придётся объяснять короче.

— Для потомков можешь написать «внешнее время». Для расчёта придётся помнить, что именно ты выбрал.

Так были созданы два календаря, которые вы знаете как Время Давида и Время Света. Те, кто движется по нашему следу, смогут точнее определить расположение планет. Правда, мои дорогие последователи, учтите, что Солнце и Эта Кассиопеи А не движутся друг за другом, у каждого, как у великого воина, свой путь. Когда я начинал вторую инфокапсулу, вторая звезда уже отставала от первой и немного смещалась в сторону. Так что сможете ли её найти — я не знаю. Чем больше вы будете тянуть, тем меньше шанс увидеть своих потомков в Новом Эдеме. Хотя… Может, оно и к лучшему?

В рубке снова возник Бублик. Он подошёл к экрану и, посмотрев на сменяющиеся цифры, проговорил недовольно:

— А где мой?

— Твой что?

— Секундомер, календарь… Я тоже хочу, чтобы циферки бежали.

— Твой — корабельный.

— Вот ещё. У меня собственная временна́я шкала. Как ты там говорил? «Скоро починю», «После проверки» и «Сначала спасём человечество». Так и заржаветь можно.

Я тоже сделал вид, что тяжело вздыхаю, добавил заявку на ремонт лежанки и назначил время осмотра.

— Уговорил, зануда. Доволен?

— Ты не поставил точное время.

— Сегодня. После текущих работ.

Пёс сердито оскалился. Я удалил последние три слова и поставил точное корабельное время.

— Так-то лучше, — буркнул Бублик.

— Может, тебе ещё прогулку назначить? По корпусу снаружи?

— Живодёр. Я запомню. И придумаю, чем тебе ответить.

Светлана открыла мне ограниченный учебный доступ к навигационному архиву. Предстояло разобрать ближайший участок пути, ещё связанный с выходом из окрестностей Солнечной системы. Далёкая Эта Кассиопеи А оставалась нашей целью, но до основного межзвёздного этапа нужно было добраться, и без ошибок.

В одном из приложений к распоряжениям КАЛСа обнаружился каталог искусственных объектов. Сначала я ожидал увидеть станции или давно покинутые платформы. Они были, но дальше шли аппараты, запущенные задолго до моего появления даже в проекте. Исследовательские зонды, объекты с плохо известным дальнейшим состоянием. У некоторых вместо точной траектории была растущая область вероятного положения.

— Зачем это здесь? — спросил я.

— Проверка выходных направлений, — ответила Светлана. — Архивная часть. Надёжность неодинаковая.

Бублик приоткрыл один глаз.

— Старый мусор?

— Старые машины.

— То есть будущие мы, если не починить лежанку.

Мне захотелось его пнуть, но данных было так много, что я быстро переключился и начал восстанавливать траектории пионеров человеческого космоса. Первые объекты оставались далеко в стороне. Другие слишком плохо определялись, чтобы получить что-нибудь, кроме широкой размазанной области. Одна запись содержала старую эпоху расчёта и скорость, указанную в другой системе координат.

Я чуть не подставил их напрямую. Остановился, вернулся к исходным данным, проверил траектории, пересчитал. Отметки смещались, иногда очень ощутимо. Однако один объект будто пересекал нашу выходную траекторию. Я провёл дополнительные расчёты, потом повернул схему и облегчённо откинулся на спинку кресла.

Линии прошли на разной высоте.

— Светлана.

— Слушаю.

— Пересчитай траекторию движения всего этого мусора из каталога. На всякий случай. Учитывая эпоху и исходную скорость.

— А сам чего?

— Я капитан, имею право делегировать.

Она не стала отвечать сразу. На панели возникла вторая расчётная линия. Очень близко к моей.

— Существенной ошибки нет, — сказала она, — но исходные данные устарели. Без наблюдений точное положение не установить.

Бублик поднялся.

— Что там?

Я увеличил участок. Наш путь был выделен зелёным. И через него тянулась вытянутая полупрозрачная область движения маленького искусственного объекта, стартовавшего примерно на сто лет раньше нас.

— Впереди кто-то есть? — Бублик встал передними лапами на приборную панель.

— Не похоже. Он летел на «север», а мы на «юг», — ответила Светлана.

Но на этот раз ошибся не Бублик, а моя подруга.

Глава 4. Древний странник

[ВНИМАНИЕ! ОПАСНОСТЬ СТОЛКНОВЕНИЯ!
ВСЕМ ЗАНЯТЬ МЕСТА ПО СЛУЖЕБНОМУ РАСПИСАНИЮ!
КОМАНДИРУ ПРОСЛЕДОВАТЬ В РУБКУ!]

Аварийная сирена разбудила меня, и я осознал, что сижу в кресле подзарядки. Я сильно расстроился, ведь сон был восхитительным. Мы со Светланой стояли на желтоватом песке, у наших ног шуршало море — разве что не сине-зелёное, как на Земле, а сапфировое. Дул лёгкий бриз, и каждая мелкая волна сверкала, будто драгоценность.

Прекрасные зелёные глаза моей подруги нежно смотрели на носящихся вокруг нас детей. Ясное дело — не наших, а человеческих. Им было на вид по шесть-семь лет, и на Земле они бы уже пошли в школу.

Последней темой, которую мы тогда обсуждали, была возможность завести собственных карапузов, которых Светлана предлагала создать из остатков привезённых с Земли ресурсов. Не отвергая идею в принципе, я всё же напомнил ей, что сделать мини-андроидов мы, может, ещё и в состоянии, но расти они не станут. Технологий самостоятельной молекулярной генерации тех материалов, из которых были созданы наша кожа, скелет, а главное — процессоры, тогда просто не существовало. Это изобретение ваших далёких-далёких потомков, фулуанцев, преобразовавших систему другой звезды созвездия Кассиопея – Джеты.

Во сне же я старался объяснить ей, что придётся либо навечно оставить их в виде человеческих семилеток, либо сразу создавать полноразмерных андроидов. Так что предстоит возиться не с милыми сорванцами, которые всё-таки ещё слушаются мамочку, а с оболтусами, имеющими своё мнение по любому поводу, — каким я был сам сразу после активации.

Подруга долго думала и в конце концов явно догадалась, как преодолеть технический барьер. Но аварийная сирена не дала ей договорить. Вспыхнули строки кода, и я открыл глаза.

Войдя в командную рубку, я сел в кресло и с вполне человеческой тоской посмотрел на правый голопроектор. Он сформировал трёхмерное изображение Светланы — по пояс. Теперь, помимо снов, я мог видеть её только так. В реальности в полёте с нами была только её сущность, ставшая искином корабля, его мозгом. Тело же осталось где-то там, на Луне.

— Что стряслось? — спросил я.

— «Хобот» унюхал препятствие прямо по курсу.

Благодаря гению Гефеста магнитный собиратель водорода работал ещё и как локатор сверхдальнего действия, обнаруживая разные каменюки по пути и позволяя вовремя корректировать курс.

— Большое препятствие? — уточнил я.

— Вывожу на центральную панель, сам увидишь.

Прямо перед нами возникла трёхмерная проекция ближайшего космоса с пунктиром нашей траектории и ближайшими проблемными зонами. Прямо по курсу жёлтым была подсвечена полупрозрачная область, где «хобот» заметил небольшой искусственный объект. Ну, на комету или астероид он точно не тянул.

— На вид ничего серьёзного, — влез в нашу работу Бублик.

— Сейчас, — ответила ему Светлана, и схема изменилась.

Внутри облачка появился новый значок. Он был без красной подсветки, пугающего звукового сигнала и других признаков, предупреждающих о том, что он может осложнить нам жизнь.

Я придвинулся к панели.

— Объект естественного происхождения или искусственный?

— Сейчас узнаем.

На панели появились предварительные итоги её расчётов. Объект имел относительно малый размер и очень слабо отражал сигнал, которым его прощупывал «хобот». Я представил кусок камня, как он летит в темноте, не имея никаких планов относительно нас.

— По крайней мере, его можно обойти, — сказал я, чтобы самого себя успокоить.

Лицо Светланы на экране вдруг стало выглядеть удивлённым.

— Нестабильное отражение, — пояснила она свою реакцию. — Это может быть по двум причинам. Либо у объекта слишком сложная форма, либо он вращается.

— Камни тоже вращаются, — напомнил я.

— Да, но частота отражений и их направления плохо согласуются с природным объектом. Сейчас попрошу анализатор смоделировать то, что видит «хобот».

На левой части консоли появилось модуляция. Сначала это был неровный камень, потом он чуть вытянулся. Появились идеально плоские поверхности и несколько выступающих элементов.

— Это похоже на… — подал голос Бублик.

— Пока не называй, — попросила Светлана. — Дождёмся ещё одного измерения. Но уже сейчас понятно, что это что-то искусственное. В природе не бывает идеальных форм.

Пасть Бублика щёлкнула металлическими зубами — мохнатый робот явно проглотил конец фразы.

Следующая серия сканирующих снимков подтвердила странность. У объекта, вероятно, имелась сравнительно широкая отражающая поверхность. Я снова открыл каталог всех аппаратов, отправленных человечеством в дальний космос. Совпадение получилось достаточно хорошим, но… невероятным!

В карточке сохранилось название. Я прочитал его про себя. Потом вслух.

— «Шедар-1».

Бублик вопросительно уставился на меня.

— Ты сейчас с кем говорил?

— Это межзвёздный исследовательский аппарат, на котором впервые был установлен прототип термоядерного двигателя.

— А звучит как корм «Садар».

— Корм?

Бублик завилял хвостиком и даже подпрыгнул, словно косплеил не таксу, а джек-рассел-терьера. Магнитная сцепка, понятно, отключилась, и он со всей своей собачьей дури влетел в потолок. Тот, конечно, выдержал и даже не помялся, а вот Бублика пришлось ловить за лапы и возвращать на место.

— «Садар. Для ваших активных друзей, склонных покидать пределы загородного участка», — недовольно пробурчал робопёс, явно цитируя рекламный ролик.

Светлана вывела на центральную панель архивную справку. И та вызвала у меня, в прошлом синтетика-детектива, целый ряд вопросов. Это был солидный аппарат, запущенный с Луны в сторону самой яркой звезды созвездия Кассиопеи, которая тоже называлась Шедар, в далёком 2177 году. Но как только тот вышел за пределы облака Оорта, на нём стали происходить странности. Сначала он начал откровенно «халявить», посылая случайные снимки вместо положенных отчётов. Так, будто хотел скрыть какие-то объекты во внешнем периметре Оорта. Потом заменил реальные показатели всех курсировавших там ледышек и астероидов совершенно невероятными числами. При этом все остальные его системы действовали штатно — антенна, приборы, энергетическая установка.

Через год «Шедар-1» и вовсе замолчал, и как только в земных и лунных ЦУПах подумали: «Всё, отмучился старик», — тот ожил. Каким-то чудом удалось с Земли перепрошить компьютер аппарата, и он на время перестал чудить. Но не успели люди порадоваться, как случилась новая напасть — вышли из строя двигатели коррекции. Почти сразу новая удача —

запустились резервные движки, хотя на них уже никто и не надеялся — они «спали» больше года при температуре, близкой к абсолютному нулю. Тогда все шутили, что в дело вмешался ИОО — фантастический персонаж из очень древнего детского фильма[3].

Но странности на этом не закончились. Примерно через месяц этот клоун — «Шедар», конечно, а не ИОО — отказался что-либо фотографировать, и на все запросы с Земли и Луны отправлял аудиозаписи монотонного гула. В ЦУПах решили, что так звучат плазменные волны разреженного газа, циркулирующие между звёзд.

Мои дальнейшие размышления о судьбе этого технологического уникума прервала Светлана.

— Но это невозможно, — сказала она.

— Что именно? — удивился я.

— Этот объект не может быть «Шедаром»! Он же летел в сторону самой яркой звезды Кассиопеи. А мы летим к жёлтому карлику Эта Кассиопеи А, известной как Ахирд. Это с Земли кажется, что они примерно рядом, в одном созвездии. Но Ахирд в двенадцать раз ближе к Земле, а между ним и звездой Шедар без малого двести десять световых лет! Так что он просто не может дрейфовать на нашем маршруте, слишком разные траектории.

— И что, нет даже теоретической возможности?

— Ну не знаю, — совсем по-человечески протянула Светлана. — Разве что та ударная волна, которую мы наблюдали, — не первая. Одна из них могла задеть аппарат, возник боковой импульс, и объект, как воланчик для бадминтона, сменил курс.

— Может, попробуем его захватить? Пока скорость ещё набираем.

— Здесь не обойтись без Гефеста. Раз он проигнорировал аварийную сигнализацию, то, вероятно, решил, что мы справимся. Но я бы с ним посоветовалась, стоит ли овчинка выделки.

Однако Гефест продолжал нас игнорировать. Я углубился в чтение справок о нашем объекте. Оказалось, его содержимое почти один в один повторяет то, что нёс самый древний космический долгожитель — спутник «Вояджер-1». Только на более совершенных носителях. Что именно? Да, послание человечества. Донельзя мирное и позитивное. Возможно, зная о форпосте змееподобных у себя под боком, люди не были бы так беспечны. Но им хотелось дружить, и они почему-то верили, что другие цивилизации поведут себя, как индейцы, узревшие «Мейфлауэр»[4].

Парадокс в том, что этот самый «Вояджер» ещё даже не долетел до облака Оорта, тогда как мы, намного более поздние посланцы человечества, уже давно из него вылетели и плывём по своим делам к новому миру на немыслимой для предков скорости. Так что вполне можем подхватить по дороге и «Шедар», нам нетрудно. «Вояджер» было бы подхватывать бессмысленно — ведь он летел в сторону созвездия Змееносца.

Так что пусть себе летит, железяка легендарная, неся позолоченный медный диск с изображениями людей, приветствиями и музыкой. Когда захватчики сумеют это расшифровать и прочитать, соберут экспедицию и прилетят на Землю, там уже ничего живого не будет. Если, конечно, люди не предпримут что-нибудь для сохранения своего дома.

К тому же что может дать такой диск? Какое понимание технического уровня земной цивилизации? Вот у нас в защищённом ядре находились человеческие эмбрионы. А возле них — огромный архив знаний, необходимый, чтобы вырастить людей и не заставить их заново изобретать велосипед и прочие полезные вещи.

---

[3] Персонаж фильма «Москва — Кассиопея» 1973 года режиссёра Р. Викторова.

[4] Английское торговое судно, на котором англичане в 1620 году прибыли на территорию Северной Америки и основали Плимутскую колонию. Аборигены многому научили колонистов и помогли им выжить. Однако довольно быстро колонисты стали организовывать налёты на деревни индейцев, и началась Пекотская война, кульминацией которого стала резня в деревне Мистик, когда были убиты не только взрослые мужчины, но также дети, женщины и старики.

У древнего аппарата не было такого груза. Ему доверили другое. Не устройство реактора. Не инструкцию по формированию автономных промышленных кластеров. Не полный медицинский справочник. Кто-то решил, что неизвестным существам стоит услышать земной дождь. Дождь!

В тот момент мне остро захотелось узнать имя того гения, который предложил именно этот звук. Наверное, у него были обычные дела, и он устал спорить с любителями розовых пони, полагающих, что пришельцы — те самые наивные индейцы. Наверняка ведь кто-то стал ему возражать, мол, зачем тратить время на запись, которую почти наверняка никто не прослушает. А он всё равно настоял. Или, может, он просто опоздал к любимой, попав под ливень?

Что тут скажешь. Очень прозорливый человек. Пусть лучше потенциальные пришельцы послушают дождь, чем поймут, какое оружие нужно взять в полёт.

— Светлана, можешь включить что-нибудь оттуда?

— Оттуда не могу. Могу аналог.

— Давай.

В отсеке зазвучал прибой. Тихий, спокойный, умиротворяющий — ещё один звук, который записали земляне. Вода накатывала на невидимый берег, и камешки стукались друг о друга, создавая прекрасный звуковой ансамбль. Я посмотрел на звёзды и попросил выключить освещение. Эффект получился потрясающий. Будто я плыл по бескрайнему морю на бесшумном паруснике и глядел в ночное небо, полное божественной красоты Вселенной.

— Выключи, — пробасил за спиной Гефест. Весь кайф обломал.

Прибой оборвался. Зажёгся свет, всё стало технологично и однообразно. Но заметочку в памяти я себе сделал. Когда захочу расслабиться, надо будет повторить.

Инженер посмотрел на голограмму обнаруженного «хоботом» аппарата.

— Опознали?

— Есть мнение, что это «Шедар-1». Ну, либо не человеческий аппарат, а создание какой-то другой цивилизации. Но движется не навстречу нам, а почти параллельно. Есть идея подобрать его и изучить.

Он повернул голову ко мне и задержал взгляд чуть дольше, чем требовалось.

— Последствия захвата хоть просчитал?

Я не сразу понял вопрос. И Гефест снова скрестил верхние руки, а нижние упёр в бока. Я уже усвоил, что таким образом он даёт мне понять, что надо над чем-то серьёзно подумать.

— Давид, ты уже не уборщик и даже не детектив. Пора взрослеть. Посмотри на наши и его данные. Что ты видишь?

Я посмотрел на нашу скорость. Мы ещё не вышли на те режимы, ради которых затевалась переделка двигателя. До настоящего релятивистского участка оставалось немалое пространство. Но между словом «нерелятивистская» и словом «безопасная» очень неприятная разница. Тут он прав. Но сдаваться не хотелось.

— Он небольшой, — начал я и тут же умолк.

Гефест дожидался продолжения.

— Масса — порядка нескольких сотен тонн, — добавил я.

— И?

Я открыл расчёт. Для оценки последствий столкновения хватало обычной формулы. При наших нынешних скоростях она ещё не требовала сложной релятивистской записи, чтобы дать пугающий результат. Гефест, однако, указал не на массу всего аппарата.

— Начни с грамма.

— С грамма? — удивился я.

— Да.

Я подставил величину. Получились что-то около сотни миллионов джоулей. И это от одного грамма, если он встретится с нами на такой относительной скорости! При столкнове-

нии мы разлетимся в пыль. Даже с учётом такой разницы масс между «Шедаром» и нашим «Комаром».

— А «хобот»? — с надеждой спросил я.

— Он рассчитан на определённые потоки и размеры частиц. В крайнем случае — на дальнее обнаружение крупных объектов и своевременную коррекцию курса. Но не на таран! Тем более объекта, имеющего неизвестный для нас запас плутония, благодаря которому у него в корме периодически вспыхивают небольшие «хиросимы».

Бублик посмотрел на архивное изображение «Шедара» с уважением.

— Дедушка крепкий и злой.

Светлана подсветила зоны риска. Прямое столкновение с корпусом было лишь самым очевидным вариантом. Попадание во внешнее оборудование тоже могло оказаться тяжёлым. При такой скорости материал не обязан вести себя как привычный твёрдый предмет. Удар, разрушение, нагрев, поток вторичных фрагментов — дальше всё зависело от геометрии и места встречи.

— Может, попробовать дистанционно перехватить управление? — пришла мне вдруг «гениальная» идея.

Гефест повернулся ко мне и устало проговорил:

— Даже если бы он услышал, у него нет возможности уступить нам дорогу. А тем более подлететь к нашему трюму и совершить мягкую посадку.

Бублик демонстративно вздохнул, будто о чём-то сильно сожалел:

— Типичный дедушка, который не хочет нянчиться с внуками.

— Насколько вероятно столкновение? – спросил я у Светланы, не удержавшись от взгляда в потолок.

— Мы пролетим мимо, хоть и рядом, - ответила она.

— А если «дедок» вспомнит, что давно не ускорялся, и выпустит из кормы небольшой термоядерный взрыв? — спросил Бублик.

Гефест внимательно на него посмотрел, потом на меня и громогласно заявил:

— Знаешь, Давид, я иногда думаю, кто из вас был бы лучшим капитаном: ты или твой четвероногий друг. Вопросы он задаёт очень правильные, и потому я ему отвечу, а ты мог бы догадаться и сам.

Бублик виновато на меня посмотрел, но потом вытянулся на полу и изобразил очень прилежную собаку.

— Нет, пёсик, в космосе нет атмосферы, — продолжил Гефест, — поэтому классической ударной волны от ядерного взрыва не будет. Разве что мы подплывём носом прямо к его корме. А вот получить электромагнитный импульс или ионизированное облучение — запросто. Так что я бы не рекомендовал подходить ближе, чем на сто километров, чтобы гарантированно сохранить электронику и наших пассажиров, если старичок вдруг «пукнет».

— Светлана, а со ста километров мы сможем его хотя бы рассмотреть? — я разгадал цель такой «разводки» со стороны Гефеста и решил показать, что тоже кое-что смыслю в управлении персоналом. Потому обратился не к четверорукому, а к подруге.

— Можем даже с тысячи. Наши сканы дадут вполне чёткую картинку.

— Тогда давай остановимся на двухстах километрах. Скорректируешь курс?

В конце концов, что бы ни думал Гефест, но капитан тут я. Пусть и новичок. Потому могу ставить задачи, и все обязаны их выполнять.

— Хорошо, начинаю корректировку, — отозвалась подруга. Гефест хмыкнул, но ничего не сказал.

Мне хотелось сделать достоверный снимок «Шедара», чтобы рассказать детям, когда они подрастут, как развивалась земная космонавтика. Ведь родятся и умрут несколько поколений, прежде чем сам аппарат достигнет цели своего полёта. И возможно, кто-то из потомков нынеш-

них эмбрионов захочет его увидеть лично. Какой-нибудь новый Циолковский или Королёв. Таким людям будет важно получить не архивную картинку, а реальные данные древнего аппарата.

Не судите строго, я ведь тогда ещё не понимал, сколько пройдёт времени, прежде чем колония из пятидесяти тысяч эмбрионов задумается о космосе. Первые пару веков главной задачей для неё будет не покорение звёзд, а элементарное выживание. Ну и размножение, конечно же.

Подготовка к сближению заняла меньше времени, чем наши споры. Светлана распределила задачи. Гефест проверял допустимые нагрузки и резервные цепи. Мне досталась сверка фактических состояний с планом манёвра. Бублик должен был просто не мешать.

Он и не собирался. Ему явно хватило похвалы Гефеста. Робопёс свернулся клубком в кресле и мечтательно смотрел на звёзды. И он даже не подозревал, сколько бед мы хлебнём из-за этого аппарата.

Глава 5. Золотой шар

Первый кадр, который мы получили с расстояния примерно в тысячу километров от объекта, оказался смазанным. Луч, принёсший его, пробежался по пространству слишком широким бреднем, и потому небольшой «Шедар» он едва разглядел. Знал бы я, что случится дальше, бросил бы эту затею и на форсаже улетел подальше.

Но задним умом, как говорили ваши пращуры-люди, все мы крепки. Даже андроиды. Хотя уже тогда мне показалось, что кто-то очень не хотел, чтобы мы разглядывали этот аппарат вблизи. Но по молодости я был на редкость настойчив, а мой эвристический анализатор ещё не нарастил функцию разумной трусости, и мы продолжили.

Вскоре стало понятно, что с объектом что-то не так. На рабочий аппарат он походил мало, но мы проигнорировали этот «звоночек» и продолжили сближение. Наивные синтетические идиоты…

Только на третьем сканировании, когда до объекта оставалось меньше трёхсот километров, мы, наконец, получили чёткую картину, после чего на мостике воцарилась мрачная тишина. Глашатай человечества, летевший к самой большой звезде созвездия Кассиопеи, воспетой в земных мифах и кинематографе, оказался мёртвым. И почил он явно не своей смертью.

Все выступающие части — антенны, поручни — были оплавлены и выглядели как наросты ракушек, которые скапливаются на днищах морских кораблей. Там, где их не было, металл корпуса был вмят, искорёжен или вовсе разорван. И за «Шедаром», словно за маленьким метеором, на сотни километров тянулся хвост из осколков. Когда-нибудь под воздействием разных сил они начнут замедляться, отклоняться в стороны и станут непредсказуемым облаком смерти — неприятным сюрпризом для кораблей, которые полетят этим же маршрутом. И предупредить землян мы уже не сможем. Ну, разве что какому-нибудь гению удастся-таки соорудить мифический варп-двигатель. Но тогда, возможно, они опередят не только «Шедар», но и нас.

— Сканирование завершено, — каким-то удивлённым голосом проговорила Светлана.

— Ну и? — нетерпеливо спросил я.

— Если взять за сто процентов абсолютно новый «Шедар» и оценить то, что от него осталось, получим примерно пятнадцать процентов, — ответила подруга. Робот, имплантированный в «мозг» корабля, что с неё возьмёшь…

Я увеличил участок, где в аппарате должен был находиться сервер с информацией о землянах и земных условиях. Кадр почему-то распался на пиксели, став зернистым.

— Лучше нет?

— Есть, — ответила Светлана и вывела на экран результат четвёртого прогона луча.

Защитный кожух грузового отсека был весь покрыт выпуклостями, словно «дождь» на борту сумел материализоваться, приобрёл силу цунами и захотел вырваться наружу. Титановый корпус аппарата выдержал, но победа досталась ему дорогой ценой.

— Капитан… — вдруг произнесла Светлана. Я бы обрадовался такому обращению, ведь она назвала меня так впервые, если бы не её почти испуганный тон, совершенно не свойственный роботу. Пардон, синтетику, но Светлана уже не прослушает запись этих моих мыслей и потому вряд ли сможет обидеться. — Я фиксирую странную активность в транспортном отсеке «Шедара».

— Какого рода?

— Там есть движение! И оно очень похоже на квантовый хаос.

Всё-таки вода? Хотя нет, бред, конечно. И потому вслух я лишь уточнил:

— Это как?

Вместо ответа Светлана вывела на экран результаты пятого прогона сканирующего луча, затем шестого и седьмого. Они уже сумели проникнуть под обшивку аппарата и показывали, что происходит внутри.

— Что это? — спросил я, увидев в темноте росчерки каких-то линий, словно что-то экстремально быстрое металось из стороны в сторону.

— Фотоны.

— Фотоны движутся в воде?

— Почему «в воде»? Там не должно быть воды, — удивилась Светлана.

— А в чём они движутся?

— В вакууме.

— Давай-ка посмотрим в режиме постоянного видео. Мы ведь уже достаточно близко для этого?

— Вывожу на центральный экран.

Элементарные частицы, обнаружить которые мы смогли только благодаря фотоионизационному микроскопу, действительно метались от одной стенки к другой, и лишь на первый взгляд делали это хаотично. Довольно быстро я понял, что это не так, и заметил синхронность, как будто эти малюсенькие точки координировали свои действия и совместно пытались пробить брешь в защите единственного уцелевшего модуля. Они то двигались параллельным курсом, то, скапливая силы, сплетались в пучки, из-за чего становились чуть ярче, то составляли замысловатые узоры, будто совещались, как решить задачу. При каждом слаженном ударе о борт по остаткам разрушенного «Шедара» прокатывалась вибрация. Лёгкая и заметная лишь нашим мощным анализаторам.

Я вспомнил запись прибоя. Не знаю, что тогда на меня нашло, но я попросил Светлану проверить, что сейчас происходит в нашем инкубаторе. Она вывела картинку. На всех панелях всё так же светились зелёные индикаторы. Температура не повышалась, да и других изменений датчики не фиксировали.

— А эти куда собрались? — вдруг подал голос Бублик.

Я проследил за его взглядом, и опасение тут же переросло в тревогу. Фотоны, запертые на «Шедаре», объединились в один пучок и стали долбиться в ту стену, которая была ближе к нам. Пробиться у них не получилось, и они сменили тактику — развернулись к полуразрушенному двигательному отсеку.

— Выведи-ка изображение остатков топлива у них, Светлана.

Камера выхватила интерференционную рябь у той стены, где неистовствовали фотоны. Я пригляделся и ужаснулся. За этой стеной висели… уцелевшие плутониевые стержни!

Я попросил прогнать кадр через фильтр шумов, и пятно, которое образовали фотоны, стало похоже на силуэт. Человеческим, конечно, назвать его было трудно, но у него имелась голова, короткие руки и неестественно длинные ноги, которые в итоге сплетались в подобие русалочьего хвоста. Только я успел подумать, что опять вижу изображение Мегир-сехер, как силуэт распался и тонкой светящейся струйкой, словно от старинного кумулятивного снаряда, прошил преграду к топливу.

Я тут же прикрыл веки, опасаясь яркой вспышки — затемнители обычно опаздывали на долю секунды, — но никакого взрыва не произошло.

— Светлана, а сделай ещё и спектральный анализ, пожалуйста.

В отсеке со стержнями бурлила своя жизнь. Микроскопические «змейки» из слипшихся фотонов стали оплетать стержни, впитывать их тепло и энергию и утолщаться, словно они в прямом смысле пожирали плутоний и росли. Эвристический анализатор выдал новое предупреждение: «Фотоны могут использовать топливо как усилитель. Уровень опасности непредсказуем».

Наевшись, одни змейки отползали в угол, и их место тут же занимали другие. Процедура повторялась и повторялась, и обожравшихся фотонных шнурков стало настолько много, что в углу, доселе абсолютно тёмном, стал пульсировать фиолетовый клубок внушительных размеров. Довольно скоро у меня появилось ощущение, что из него на меня кто-то очень внимательно и зло посмотрел.

— Света, отводи корабль! Немедленно! — прокричал я.

Бублик удивлённо оскалился и спросил:

— Ты чего, привидение увидел? Я последних ещё на Луне распугал!

Отвечать ему я не стал. Не было времени объяснять, что мой эвристический анализатор прямо завопил о смертельной опасности. И вероятность он оценил в целых шестьдесят процентов! Вдруг в моём электронном мозгу всплыли законы Азимова. А точнее — часть первого из них: робот не может своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

Хорошо хоть Светлана не стала медлить, и наш гигантский «комар» с переболевшим хоботом начал манёвр отклонения. Но медленно. Слишком медленно, чтобы достаточно отдалиться. Ведь, засмотревшись на игру фотонов, мы умудрились подойти чересчур близко — до дистанции в восемьдесят шесть километров. Ближе, чем предупреждал Гефест.

— Света, а мы можем усилить защиту инкубатора?

— Нет, — удивлённо сказала она. — Защита там и так максимальная из возможных, ты же знаешь. Свинец, вода и снова свинец.

Тем временем фиолетовый клубок становился всё более густым и ярким. Он начал вращаться, приобретая форму идеального шара. В нём уже стали зарождаться золотые искры. Их число росло, и в конце концов они полностью захватили поверхность, сделав этот «клубок» похожим на крохотное золотое солнце.

Я вспомнил рассказы узника Мегир-сехер — пожилого русского космонавта — о цивилизации змееголовых. Или, как они сами себя называли, люминаров, поскольку могли передвигаться между планетами на фотонах. Ещё когда наше солнышко только сформировалось из газового облака, они, дети первых звёзд, научились при необходимости отказываться от биологических форм и превращать свою «душу» в чистые информационные паттерны.

Неужели они смогли проникнуть на искусственный аппарат, отправленный человечеством к звезде Шедар сто лет назад? То есть до того, как мы разрушили их базу на Луне. Как минимум это означает, что их лунный форпост не был единственным в Солнечной системе. И на самой Земле были их же шпионы.

— Светлана, дай, пожалуйста, ещё раз изображение инкубатора.

На информационном табло снова возникла картинка, где около каждого блока светилась зелёная панель. Всё было спокойно. Но вдруг на дальней периферии кадра, в углу, где сходятся стены коридора, ведущие к двигательному отсеку, на долю секунды мелькнуло странное золотое пятно. Оно тут же растворилось, стоило камере увеличить резкость на этом участке.

— Проверь журнал событий.

На экране появился лог. В 03:12 по корабельному времени, за секунду до того, как мы включили камеру, в энергосистеме инкубатора произошёл скачок напряжения. Ничтожный, но…

Я уже было повернулся обратно к изображению «Шедара», но краем глаза зацепился за перемены. Все индикаторы по-прежнему горели зелёным, лишь один, в самом дальнем углу — тот, что отвечал за секцию № 188, — медленно, словно нехотя, сменил цвет на мягкий фиолетовый, ближе к сапфировому. Такого режима в инструкциях не было. А потом послышался тихий шелест, похожий на помехи. Я вывернул до отказа чувствительность микрофонов — и мне даже показалось, будто в этом шелесте можно было разобрать слова, произнесённые на неизвестном языке со странной интонацией. И они не казались враждебными, скорее приветствиями.

Фиолетовый свет мигнул, и индикаторы снова беззаботно засветились зелёным. Если бы я был человеком, а не синтетиком, то, наверное, принял это всё за системный сбой. Но такого легкомыслия я позволить себе не мог. Что-то явно произошло, и с этим чем-то предстоит разобраться.

И в этот момент моё внимание отвлекло изображение, которое мы снова стали получать с «Шедара». Вращающийся золотой шар начал пульсировать. Из него вырвались тонкие нити света, постепенно выстраивая сложную нейронную паутину, а потом шар и вовсе вспыхнул. Изображение на миг пропало.

Когда Светлана сумела повторно направить радар на этот участок, там оказалось лишь поле мёртвых обломков — даже от транспортного отсека ничего не уцелело. Через миг по нашему кораблю прокатилась вибрация — «комар» гасил электронный импульс далёкого ядерного взрыва.

Мы ошеломлённо переглянулись с Бубликом, а потом и с голограммой Светланы. Теперь мы летели к Кассиопее совсем одни.

— Жаль! — пророкотал за спиной Гефест. Его четверорукое величество, наконец, соизволило подняться в рубку.

— Чего именно?

— Его содержимого, конечно, — указательный палец его верхней правой руки ткнул в изображение поля обломков. — Теперь мы единственные, кто прокладывает человечеству новый путь.

По его металлической физиономии нельзя было понять — действительно ему жаль или это просто слова. Гефеста сделали ещё в те времена, когда человеческая мимика была недоступна для андроидов. Не говоря уже про чувства.

Взаправду ли он хотел сохранить древнюю машину, тоже летящую к Кассиопее? Может, он имел к ней какое-то отношение в прошлом? А может, просто бурчит, как всякий старик.

Сам Гефест ничего пояснять, понятное дело, не стал — он молча развернулся и удалился в двигательный отсек.

Я же создал в своей памяти отдельную папку. Назвал её не номером события и не датой. «Шедар-1».

Сохранил туда все измерения, обработанные кадры и данные опознания. Добавил краткое описание встречи, а потом открыл архив КАЛСа. Я вошёл в его последнее сообщение и поставил ссылку на новые изображения.

Соседство было, конечно, странным. Старый исследовательский аппарат, отправленный сто лет назад. Но мне показалось это правильным. Он был создан для того, чтобы помочь людям увидеть далёкий перспективный мир. Ну, или хотя бы отдать дань тем мифам, которые заставляли мальчишек мечтательно смотреть на звёзды.

Впрочем, в официальном отчёте я всё записал достаточно сухо.

«Искусственный объект опознан. Был уничтожен из-за саморазрушения. Повреждений на нашем корабле не выявлено».

— КАЛС был бы доволен?

Светлана ответила:

— Тем, что мы не столкнулись, — да.

В этот момент в дальнем углу инкубатора снова появился сапфировый огонёк. И на этот раз он не исчез через несколько секунд, а продолжал гореть. И не просто гореть, а медленно, словно нехотя, ползти вдоль стены к ближайшему холодильнику № 188. При этом датчики движения по-прежнему молчали.

— Что у вас там происходит? — вдруг раздался из динамиков рокот Гефеста. — У меня тут «гребёнка» в гамма-спектре, как будто распад ядер кто-то синхронизирует. Дозиметры в реакторном отсеке щёлкают не хаотично. Ритм слишком ровный!

Я понятия не имел, о чём он. Если капитанские и штурманские функции я уже частично освоил, то вся эта термоядерная терминология была для меня пока тёмным лесом.

— У меня тут вместо лазера идёт поток «намагниченного света», — пояснил Гефест. С тем же результатом. А залезть в справочник я тогда сам не догадался.

— Давид, у нас правда что-то неладное творится! — проговорила Светлана. — В металле крайнего инкубатора появляются «дорожки», в стекле — внутренние узоры, а в оптоволокне — стоячие волны, которых не должно быть!

Ну, вы поняли — подруга присоединилась к генерации научной абракадабры, и от этого становилось только тревожнее. Поэтому я рявкнул:

— Проверяем всё!

Датчики движения по-прежнему молчали, тепловизоры были чисты, но журнал событий фиксировал скачки напряжения, совпадающие с гамма-гребёнкой. И я увидел две странные линии в схеме ориентации корабля. Так, с этим я хотя бы мог разобраться. Потому открыл все данные и углубился в изучение.

Команда на изменение курса была передана вовремя — практически сразу же, как я попросил Светлану. Но исполнение не началось, потому что сохранялось удержание прежнего состояния маневровых двигателей. И этим промедлением кто-то воспользовался, задав всей системе защиты эмбрионов новые параметры и создав брешь. Правда, фиксации того, что ею кто-то воспользовался, не было. Я выстроил события в последовательность и заметил, что ещё не задал главного вопроса: кто включил удержание?

Оно могло быть частью стандартной процедуры, защитой от дурака или неустойчивого переключения. Функцией диагностики или просто ошибкой настройки. Я открыл историю бага. Там оказалось несколько служебных записей: проверка после ударного фронта, уточнение диапазона, изменение параметров перехода. Затем — активация режима удержания.

— Светлана, проверь подпись.

Рядом открылось окно проверки.

— Подпись корректна.

— И чья она?

Имя тут же появилось на экране. Но мне захотелось выругаться — совсем как человеку.

— Инженерный ключ Гефеста, — прочитала вслух Светлана.

Я посмотрел в сторону далёкого хвоста нашего корабля.

— Это точно его команда?

— Ключ подтверждён. Для связи с конкретным сеансом нужно сопоставить журналы.

Я сохранил копию. Затем ещё одну — рядом с хронологией отказа.

Бублик подошёл к креслу.

— Что-то нашёл?

— Настройку, из-за которой начались глюки в инкубаторе.

— И кто её сделал?

Я не стал отвечать. Захочет — сам увидит. Ведь на панели всё ещё светилась короткая строка с именем инженера.

— Так, Светлана, а дай-ка изображение сектора рядом с блоком сто восемьдесят восемь.

Радиационный фон в секции оставался в норме. Однако вода в контуре охлаждения начала слабо люминесцировать. А на информационной панели вдруг возникла схема. Я попросил приблизить. Там был нарисован процесс деления клетки. Но стоило мне протереть веками глазные мониторы, как в ней что-то поменялось. На мгновение, но я это заметил — клетка была не человеческой. Значит — пора включать детектива. На корабле творилось что-то непонятное.

Глава 6. След четырех рук

Я проверил подпись трижды. В первый раз стандартной процедурой. Во второй — через независимый модуль. А в третий — путём совсем бредового запроса в анализатор, сильно надеясь не столько получить подтверждение, сколько отловить случайный баг. К тому моменту я уже понимал, что делаю это не ради уточнения. Просто мне не хотелось верить в предательство Гефеста.

Напрасно. Результат не изменился. Все три раза он указал на четверорукого.

Команда была подписана действующим инженерным ключом. Именно его полномочия позволяли изменять настройки контроллера. И на момент исполнения срок действия допуска не истёк, отзыва ключа в журнале не было.

Владелец — Гефест. Точка.

Бублик сидел возле кресла и следил за моими метаниями.

— А если почесать за ухом, имя изменится? — спросил он.

— Тебя или себя?

— Главное, не Гефеста. Они у него острые, порезаться можно.

— То-то и оно… — Конструкторы Гефеста действительно не заморачивались насчёт его внешности, потому уши были сделаны из тонкого и острого листа титана. Уровень дизайна «на отвали».

Мне оставалось лишь согласно кивнуть. Ключ не был простой надписью, которую можно легко подделать. Хотя… маленькая надежда ещё оставалась. Я ухватился за эту соломинку и попытался определить величину вины самого инженера-моториста.

— Светлана, могла подпись прикрепиться к другой записи?

— Теоретически такая ошибка возможна, но я проверила исходный пакет. Подпись относится именно к этой команде.

— А сама команда могла измениться после подписания?

— Проверка целостности этого не показывает.

— Значит, точно он.

— Значит, использован его ключ.

Я откинулся в кресле. Светлана вывела на ближайший экран две строки.

«Установлено: команда авторизована инженерными полномочиями Гефеста».

«Не установлено: обстоятельства формирования и отправки команды».

Мне не понравилось, что вторая строка короче первой. Да-да, я капризничал как человек, а не следовал алгоритмам логики идеального андроида. Но ведь я к этому и стремился, когда осваивал программу очеловечивания для синтетиков, да?

— Сеанс? — уточнил я.

— Часть записи есть в локальном журнале контроллера. Часть — в инженерном архиве. Для полной сверки нужен доступ к рабочим материалам Гефеста.

Я попросил вывести на мониторы изображение двигательного отсека. Оттуда доносилось мерное постукивание. После нашего знакомства с «Шедаром» Гефест успел вернуть все алгоритмы в настройки двигателя, и мы снова стали ускоряться. И самое главное — он не прятался, и это удерживало меня от поспешных выводов.

Он не отключал связь. Не пытался уничтожить корабль. Не лез в инкубатор. Просто спокойно ковырялся в очередном механизме, явно зная, для чего это нужно.

— Пойду-ка поговорю с ним, — решился я.

Бублик поднялся.

— Вот так сразу, не пообедав?

— А что?

— Просто необычно. Раньше ты долго смотрел на цифры, а потом начинал подозревать стены.

Мне захотелось его пнуть. Не знаю, что именно он считал по моей мимике, но пёсель быстро отбежал на несколько своих коротколапых шагов и обиженно запыхтел.

— Ладно, двигай за мной, — смилостивился я.

Мы снова оказались в предбаннике — последнем безопасном отсеке в хвосте нашего корабля. Там отчётливо пахло нагретым металлом и очистителем. Гефест явно недавно открывал шлюз и держал его достаточно долго, поскольку запахи успели насытить местный воздух. Сам четверорукий находился в глубине двигательного отсека и чинил какой-то снятый блок. На мониторах мы видели, как две его верхних руки удерживали металлический стержень, третья меняла положение маленького отражателя, а четвёртая перебирала детали в лотке.

Я подождал, пока он заметит, что за ним наблюдают. Не заметил. Вернее, наверняка заметил, но не счёл нужным отвлекаться.

— Гефест, — позвал я, нажав кнопку коммуникатора.

Вообще, конечно, странно, что капитан стоит как проситель и его подчинённый не вытягивается перед ним в титановую струнку. Ну, об этом мы ещё как-нибудь поговорим — когда мой авторитет, наконец, догонит мои амбиции.

— Говори, — пророкотало в ответ.

— В секторном контроллере стояло удержание прежнего задания.

— Знаю.

— Оно не давало выполнить команду Светланы.

— Угу.

— Настройка подписана твоим ключом.

Одна из рук замерла. Остальные продолжили работу.

— Ты пришёл рассказать мне про этот пустяк?

— Я пришёл выяснить, что произошло.

Гефест положил стержень в держатель.

— Я перенастраивал блок после прохождения ударной волны.

— Перенастройка включала удержание?

— Да.

Прямой ответ оказался неприятнее, чем я ожидал. Кажется, я всё ещё надеялся, что он удивится. Скажет, что не трогал этот параметр. Потребует немедленно проверить журнал. Вместо этого инженер взял лежавший рядом с ним планшет, что-то там набрал, и на мониторах появилась схема с выделенным оранжевым цветом участком.

— Вот, смотри, — начал он. — После перегрузки контроллер выдавал неустойчивый переход. Задание менялось быстрее, чем завершалась проверка нового состояния. Я ограничил обновление до подтверждения готовности следующего режима.

— Но подтверждение пришло.

— Пришло.

— А перехода не было.

— Именно это я сейчас и проверяю. — Он показал небольшую плату, вынув её из глубины снятого блока. — Удержание должно было сниматься по согласованному разрешению. Этого не произошло. Нужно установить, на каком этапе разошлись программные логи.

Кажется, всё-таки подозрения были напрасными. Четверорукий снова занялся своими любимыми железками, но через минуту замер и посмотрел в камеру. Его металлическое лицо, лишённое всякой мимики, уставилось на меня с монитора.

— Давид, если у тебя есть конкретное замечание к процедуре, скажи. Если ты собираешься по очереди озвучить все вопросы из учебного пакета детектива, не мешай работать

и освободи помещение. Я скоро снова выйду и принесу с собой все прелести двигательного блока.

Бублик ткнулся мордой в мою правую ногу, привлекая внимание:

— Проход свободен, я проверил. Можем отступать.

Я наклонился к изображению, что Гефест вывел на монитор. Оно отличалось от схемы, на которую мы смотрели во время аварии. Часть внутренностей выглядела привычно: разъёмы, силовые элементы, проводники. Но возле дальней стенки стояла тёмная вставка с гладкими боками. На ней не было обычной маркировки.

— Это тоже менял?

— Согласующий узел, — Гефест ответил так, что я прямо ощутил, как он величественно кивает.

— Откуда он?

— Из запаса.

— Из какого?

— Из того, который я собрал до старта.

— Кто его изготовил?

— Тебе сейчас нужны характеристики или биография детали?

— Происхождение иногда влияет на характеристики.

Он снова посмотрел прямо в камеру. На этот раз, как мне показалось, гораздо внимательнее. Не знаю, почему я так решил, ведь его мимика по-прежнему была неподвижной, как у бронзовой статуи.

— Узел прошёл проверку. Его параметры есть в рабочей документации. Отказ пока не локализован. Делать выводы по внешнему виду не надо.

— Я не делаю.

— Тогда дай мне закончить.

Разговор был завершён не формально, но вполне ощутимо. Я вышел.

Бублик догнал меня у двери.

— Ну?

— Он подтвердил настройку.

— Это хорошо или плохо?

— Пока не знаю.

Вернувшись на капитанский мостик, я открыл свои записи. Добавил признание Гефеста. Его объяснение назначения удержания. Указание на предварительные испытания. Отдельно записал вопрос о происхождении проблемного узла. Чем полнее становилось «дело», тем меньше его содержимое походило на обвинение. Это должно было меня успокоить.

Но не успокоило.

Перед глазами оставалась гладкая тёмная вставка без привычных обозначений. И тут наступило озарение — я видел похожие материалы под поверхностью Луны. Конечно, это ничего не доказывало. Подобные предметы встречаются во Вселенной чаще, чем хотелось бы начинающему следователю. Но вопросы появились снова, и на этот раз мне придётся проверить всё тщательно самому, не доверяя словам Гефеста.

Ломиться к нему и настаивать на том, что капитан имеет право ходить где хочет, — глупо. Да и чревато. Что ж, придётся вспомнить свою самую базовую профессию — рядового уборщика на нижних этажах «Нового Харбина», роботизированной базы человечества на Луне.

Я открыл план уборки двигательного отсека. И ужаснулся. Последняя обработка рабочей зоны производилась ещё на Луне. Гефест, конечно, сам был роботом и потому следил за порядком, но мусор и разные отработанные детали изрядно загаживали пол и углы. И эта небрежность становилась реально опасной. Ведь в невесомости даже мелочь быстро находила себе занятие.

— Светлана, открой мне возможность пройти в двигательный отсек.

— Думаешь, Гефест это одобрит?

— Скажу, что хочу помочь ему с очисткой.

Пауза. Совсем короткая.

— Хорошо, только не трогай ничего без спроса. Он этого не любит.

Бублик посмотрел на меня.

— А где швабра? Где ветошь? Где пылесос, в конце концов?

— Сгинь, мохнатый.

— Ты выпадаешь из образа, Гефест тебя сразу раскусит.

Я сделал вид, что не услышал. Когда я открыл шлюзовую дверь в двигательный отсек, мои сенсоры сразу уловили чуть повышенный уровень радиации. Он ещё был в пределах нормы, но если так пойдёт и дальше, постепенно тут станет действительно опасно. Даже для меня, синтетика, не говоря уж про людей. Которых, впрочем, тут нет. А ведь лететь ещё больше десяти лет даже по нашим корабельным часам.

Снятый кожух лежал в фиксирующем лотке возле края рабочего стола инженера. Рядом находились крепления, две защитные вставки и несколько коротких отрезков оплётки.

— Уберу рабочую зону? — спросил я.

Гефест мрачно на меня поглядел и, не говоря ни слова, указал правой нижней рукой на лотки. Верхней рукой он, совсем как роденовский «Мыслитель», подпирал подбородок.

— Если уж решил вспомнить детство, сделай всё правильно. Обрезки — в сборник. Детали не перемешивать. Внутреннюю поверхность кожуха растворителем не трогать.

— Почему?

— Покрытие.

Я кивнул, хотя теперь именно туда сунуть нос хотелось больше всего.

Начал с настоящей уборки. Собрал свободные частицы пыли — эта зараза умудрялась появиться даже на полностью изолированной лунной станции. Возникла она и тут. Проверил края стола, снял намагниченной ветошью металлическую пыль возле резака. Закрепил валявшийся возле стойки измерительный шнур.

Работа успокаивала. У пыли были понятные свойства. Она находилась в конкретном месте, оставляла след и не огрызалась на вопросы.

Бублик улёгся возле порога. И когда Гефест обратил свой взор и на него, робопёс пояснил:

— Охраняю чистоту.

Я взял кожух. На внешней стороне — следы креплений, неглубокая царапина, остаток монтажной метки. Внутри — матовое покрытие и несколько выступов. Вроде всё штатно. Я уже клал его обратно, как свет неожиданно упал сбоку, и на узком участке, который при сборке закрывался прижимной планкой, проступили линии. Три короткие черты и знак, похожий на математический интеграл. Рядом с ним стояла ещё и точка. Она была смещена чуть выше его центра.

Я замер. Бублик поднял голову, и в его электронных глазах мелькнул пёс-прототип, суть которого была проста — собака-охотник. Я чуть изменил угол освещения. Линии не исчезли. Это были не случайные царапины. Слишком ровная глубина, одинаковое завершение штрихов и явно продуманное расположение.

Короче — знак.

Я записал изображение собственным зрительным регистратором, сохранив масштаб и угол. Потом осмотрел остальную поверхность. Других сюрпризов не нашлось.

— Кожух от этого блока? — спросил я как можно спокойнее.

— От переходной кассеты, — ответил Гефест.

— Он старый.

— Он пригодный.

— Я не об этом.

— А я об этом.

Я осторожно вернул деталь в лоток. Закончил уборку, но не торопился уходить: внезапная спешка выглядела бы хуже, чем само любопытство. Гефест поблагодарил меня коротким кивком.

Вместе с Бубликом мы вернулись в капитанскую рубку. Усевшись в кресло, я пару минут наблюдал за звёздами, но потом открыл архив собственных записей, которые вёл во время наших лунных похождений. Исключил изображения лиц и выбрал только технические поверхности: двери, панели, приборы, транспортные устройства, — и сопоставил их с теми царапинами, что я только что увидел в хозяйстве Гефеста.

Поиск выдал несколько слабых совпадений, однако они не были стопроцентными. То интеграл больше походил на фигурные скобки, то точка стояла в другом месте, то линий было не три, а пять. Пришлось уточнить условия поиска, оставив только геометрию видимых линий. Количество результатов резко сократилось.

Примерно на сотом изображении я остановился. Это была панель в подлунном помещении, вид сбоку. Часть картинки была неудачно прикрыта моей ладонью, тем не менее возле крепления я увидел короткую отметку — три штриха и скоба. Хотя нет, скоба была открыта в другую сторону, а один штрих выглядел чуть длиннее. Или так казалось из-за перспективы?

Я вывел оба изображения на две соседние панели. Сходство усилилось.

— Нашёл? — спросил Бублик.

— Возможно, — не стал отпираться я.

— Похожи.

— Но не одинаковые.

— На Луне у них вообще было много способов написать «отвали».

Бублик что-то недовольно заворчал. Я же попытался вспомнить, где именно видел ту панель. Рядом находилось оборудование, назначение которого тогда определить не успел. Мы были заняты более срочной задачей — выбраться. Сейчас это раздражало. Хотелось, чтобы прежний я задержался, приблизил изображение, изучил каждую линию.

Но прежний я имел все основания торопиться. На кону была жизнь всего человечества. Мы дали ему небольшую отсрочку — лет десять-двадцать у нынешней цивилизации на Земле ещё есть.

— Гефест мог просто использовать найденный материал, и царапины были нанесены до того, как тот попал ему в руки, — сказал я.

— Мог, — поддакнул Бублик.

— Или…

Я остановился. Пёсель сел.

— Четыре руки — очень удобно, — заметил он. — Одной работаешь, другой показываешь, третьей — убираешь то, что показывать не хочется, а ещё одна остаётся, чтобы сложить фигу.

— Ты его обвиняешь?

— Нет. Я обсуждаю комплектацию. — Он переступил с лапы на лапу. Ну да, функционал его четырёх конечностей был сильно ограничен. Хотя такие царапины он тоже вполне мог нанести.

Я посмотрел на знак ещё раз. Теперь тёмная вставка в контроллере уже не казалась просто странной деталью. У неё появилась возможная история. И Гефест явно знал о ней больше меня.

— Давид, давай разделим записи, — предложила Светлана.

Я вздрогнул. Хотя её голос давно стал частью корабельного фона, сейчас он прозвучал неожиданно.

— Я и так разделяю.

— Тогда почему в последней заметке написано: «Использовал подлунную технологию без уведомления экипажа»?

Я удивился и открыл заметку. Действительно, странно. Я не помнил, в какой момент сформулировал именно так.

— Знак совпадает?

— Частично. Мы не установили его значение. Не знаем, указывает ли он на изготовителя, материал, положение детали или на что-то другое.

Светлана вывела временную шкалу.

— Начнём с последовательности. Когда изготовлена переходная кассета? Когда установлена? Кто проводил испытания? Когда изменились настройки? Какие условия изменились между проверкой и настоящим манёвром?

Я посмотрел на длинный ряд пустых полей.

— На это уйдёт время.

— А куда нам спешить? Всё равно бездельничаете. Зато ты получишь историю событий, а не набор подозрительных впечатлений.

Бублик почесал бок о край кресла.

— Я бы ещё добавил, когда он последний раз нормально отвечал на вопросы. Для сравнения.

— Хорошая мысль, — согласилась Светлана.

Пёс застыл. Он явно не ожидал, что шутку воспримут всерьёз.

— Поведение нужно сравнивать с обычным, — продолжила она. — Гефест всегда раздражается, когда его отвлекают во время ремонта. А тут он был совершенно спокоен.

Восстановление хронологии оказалось сложнее проверки подписи. Перед стартом мы работали в спешке. Документы создавались, но составлялись для тех, кто понимал задачу, а не для будущего расследования. В одной записи значилось: «Установлено по месту». В другой: «Проверено, замечаний нет».

Мы просматривали журналы доступа, складские операции, испытания и рабочие заметки. Где-то требовалась подпись КАЛСа. Где-то хватало инженерного допуска. Часть действий выполнялась вообще до того, как наша нынешняя команда окончательно определилась.

— Он работал с эмбрионами? — спросил я, имея в виду Гефеста.

— С оборудованием возле них, — поправила Светлана.

— Есть разница?

— Большая. Поддержание питания не означает доступ к содержимому ячеек.

Я открыл журнал проходов. Гефест действительно не раз находился в инкубаторе. Иногда достаточно долго. Но разрешения были штатными, а работы — необходимыми. На корабле почти не существовало сложного участка, к которому он не приложил бы хоть одну из своих четырёх рук. И, кстати, меньше всего времени он проводил около секции № 188.

Так… А если? Я попросил вывести картинку инкубатора и спросил Светлану:

— Сюда тоже могли попасть такие детали?

— Могли. Это нужно проверять по составу оборудования.

— А ты не знаешь?

— Я располагаю эксплуатационными схемами. Не полной историей изготовления каждого элемента.

Логично. Даже самый хороший искин не может знать, откуда взялся каждый болт. И всё же мне захотелось, чтобы Светлана знала. Чтобы кто-нибудь знал всё необходимое и мог заверить: опасаться нечего.

Но она, понятно, этого не могла.

До того дня я почти не задумывался о прошлом Гефеста. Большой, сильный, неудобный в разговоре. Умел делать вещи, которые остальным казались невозможными, и сердился, если ему мешали или отвлекали. На Луне этого хватало — его никто не трогал. Даже я, помнится, струхнул, когда он шуганул меня.

Откуда происходили его знания? Что он переделывал в себе? Ведь он не мог обратиться в общий сервис по тюнингу, как это делали мы, синтетики. Ему приходилось всё делать самому. С какими устройствами он работал до нашего знакомства?

— У него нет обычного серийного обозначения, — заметил я, подробно изучив его личную карточку.

— Ты знал это раньше, — напомнила Светлана.

— Знал.

— Что изменилось?

Я снова вспомнил подлунную базу, образ Мегир-сехер — прекрасной и одновременно смертоносной представительницы змееголовых. Её уверенность, с которой она обсуждала чужие тела и судьбы, словно речь шла о расходном материале.

— Светлана, предположим, у нашей экспедиции есть вторая цель.

Бублик поднял голову, а Светлана молчала, давая мне возможность высказаться.

— Мы везём человеческие эмбрионы. Есть оборудование для их выращивания. Есть корабль, который может долететь до новой планеты… Но есть технологии, которых мы не понимаем.

Я говорил медленно, проверяя, не станет ли мысль нелепой, когда услышишь её вслух. Она не становилась. От этого было только хуже.

— И если кто-то хочет восстановить не только человеческую цивилизацию… такой корабль ему тоже подходит.

Бублик оскалился. В его глазах мелькнули красные огоньки. Кажется, он понял, о чём я.

— Ты думаешь, Гефест работает на них?

— Пока рано об этом говорить. Но я уверен, он знает больше, чем нам сообщает. И способен установить тут то, чего быть не должно.

Я открыл журнал своих записей и создал новую заметку, в которой написал:

«Возможно использование экспедиции для иной задачи, скрытой от части экипажа».

И ниже:

«Одна из версий — применение технологий змееголовых для их восстановления».

— Тогда зачем он тебя обучает? — спросила Светлана.

— Из жалости, — ответил за меня Бублик, но заткнулся, как только я на него сердито посмотрел.

— Хорошо, — сказала Светлана. — Но зачем тогда он оставляет следы?

Я не ответил. Бублик тихо сказал:

— Если бы он хотел нас погубить, то способов у него было намного больше, чем у нас — вопросов.

— Я не говорю, что он хочет нас погубить. Возможно, мы для чего-то ему нужны. Пока мы можем лишь предполагать.

— Предлагаю понаблюдать, — подхватил Бублик и почесал задней лапой за ухом. — Может, просто ты слишком вжился в роль детектива и не хочешь становиться пилотом?

Я был склонен согласиться. Открытый конфликт сейчас мог навредить больше, чем наблюдение. Да и аргументов для него у нас, считай, что и нет. К тому же Гефест оставался единственным, кто уверенно разбирался в значительной части силовой установки. Лишить его доступа из-за недоказанной версии — означало самому создать угрозу кораблю.

Но и забыть увиденное я уже не мог.

Мы со Светланой договорились сохранить исходные журналы без изменений. Отдельно — историю работ с контроллером. Отдельно — доступную документацию по медицинскому оборудованию. Я только успел проверить, что она записала всё правильно, как на панели состояния всех систем появилась жёлтая плашка возможной проблемы.

Не из двигателя — от инкубатора!

Я застыл.

— Светлана?

— Получила уведомление. Проверяю.

Карточка состояния раскрылась. Первым, что мы увидели, было сообщение о локальном росте температуры. И происходило это в том самом модуле автономного вынашивания, где совсем недавно мы регистрировали сбой — № 188.

— Сначала показания, — предупредила Светлана, словно услышала, куда пошла моя мысль. — Потом выводы.

Я поднялся.

— Показывай по дороге.

Путь в инкубатор подсветился салатовым цветом. Я бы, конечно, уже не запутался, но Светлана сделала это, вероятно, уже на автомате. Бублик, разумеется, увязался за мной.

Глава 7. Чёртова дюжина

Дверь инкубатора с лёгким шелестом отъехала в сторону, и обычно расслабленный Бублик вдруг напрягся. Он демонстративно втянул носом воздух — хотя, справедливости ради, мог бы сделать это менее театрально. Холка вздыбилась, глазные камеры блеснули кроваво-красным, он набычился и оскалился. Прям бультерьер, а не такса.

— Что не так? — спросил я его.

Хотя часть ответа я уже знал. Обычно в инкубаторе было довольно морозно. Теперь же мне в лицо дохнуло если не тропиками, то сухой летней степью точно. Или так, как я представлял её по человеческим фильмам. Наверное, там ещё должны были быть запахи цветов и трав, но здесь, понятно, никто распы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.